

Ярослав Веров

Третья концепция равновесия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805175

Ярослав Веров. Третья концепция равновесия: Снежный Ком М; Москва; 2010
ISBN 978-5-904919-10-8

Аннотация

Хочешь посмотреть на себя в зеркало? Загляни в эту книгу. Почему в отражении у тебя шесть рук, четыре ноги и лицо вполне негуманоидное? Видимо, ты увидел себя таким, каков ты есть.

Загляни в книгу, читатель! Выбери, где живешь. В гуманоидом прошлом, с «Голубыми огоньками» и выпусками программы «Время». Или в негуманоидную эпоху глобализации и политкорректности: Тотального Облунивания Планетарных Объектов и Всеобщего Окраснения Светил. Или даже в таком странном месте, как Отстой или Мнимый Мир...

«Ярослав Веров — всегда эксперимент. Поиск новых форм и нового содержания.

Да, наверное, в колее уютней и сытнее. Но если ты привык к свежему воздуху...

Беря в руки книгу Верова, никогда не знаешь заранее, что там. Сатира, НФ, мистика, социальные парадоксы, прогностика — что бы ни было, оно скрывается здесь, под этой обложкой» (Г.Л.Олди).

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	37
Лирическое отступление	41
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ярослав Веров

Третья концепция равновесия

Отвлеченно говоря, может быть несколько типов относительного равновесия; одни из них, так сказать, полнозвучны, другие – бедны, одни прочны, другие – неустойчивы; одни имеют потенциал высокий, другие – низкий. Известный тип равновесия может быть весьма недостаточным, как безусловною может быть и дающая его религия. Отвлеченно же говоря, должен быть тип совершенного равновесия и наивысшего потенциала, соответствующий человеческой природе.

П. Флоренский

*Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.*

Светлой памяти Натальи Хаткиной, первого читателя этого романа

Пролог

Большое бесчисленно распределенное облако медленно приближалось к окоему горизонта. Из недр планетарных раздавались некие планетарные звуки. Две таинственные тени зависли над великой горой Пука. Они таинственно молчали вот уже второе столетие. Гигантские океанические хребты неспешно продвигались на север. Вслед за ними подтягивался южный магнитный полюс.

Огромные воздушные массы, называемые Онема в еще не рожденном народе племени Татауна, медленно и настороженно передвигались над просторами бескрайних пространств, до сих пор лишенных времени. Могучие подводные течения непредсказуемо извивались в подводных же глубинах, показывая собой всю непостижимость бытия и несостоятельность еще не открытого в этом секторе Вселенной закона Случайных Чисел. И все бы ничего, да вот только собственного спутника, луны то бишь, не было у этого мира. И огорченный такой несправедливостью – мир грустил.

А где-то в бескрайних глубинах Вселенной, мерно раскачиваясь, темная и грустная, плыла одинокая луна. И была она грустна и одинока именно из-за того, что плыла безо всякого понимания. А над планетой, над просторами колышущихся волн с белоснежными барашками, плыли размеренно и неторопливо те самые грозные, но тем не менее неторопливые и замысловато задумчивые воздушные массы. Они были молодые и глупые. И ничего не понимающие в сущности бытия.

Часть 1

ТРИ К ОДНОМУ – НЕРУШИМЫЙ ЗАКОН ВСЕЛЕННОЙ

Глава 1

А бытие, между тем, тоже текло плавно и размеренно, тихо и ненавязчиво, не мешая ничему в мире. И мир продолжал быть, невзирая на всякие частные неприятности весьма общего характера. Но не в этом проявляла себя сущность бытия, а в своей принципиальной непостижимости. Эту сущность, тем не менее, вот уже много эпициклов пытался постигнуть герой нашей поучительной истории Фомич.

Некогда занимавший высокий пост в Карантинно-Санитарном Управлении Галактики, Фомич ныне отбывал пожизненный срок в Галактическом Отстойнике, или попросту в Отстое.

Итак, Отстой, Сегмент А234. Утро семьдесят третьего по счету откида Фомича в Отстое.

– Слышь, Фомич, чего смурной такой? Небось опять о сущности бытия затуманился, так ты это облишь, – заговорил второй герой этой истории, Лукреций. – Сам же вчера, когда тебя от блока питания отдирали, признался, что непостижима эта штука. И как ты эдак к тому блоку присосался? Говорили же тебе, фаза сдвинута согласно распоряжению Основного. Имей понятие, Фомич, и не ерепенься.

– Эх, Лукреций, – сухо, с грустным вздохом, присвистнул Фомич, – куда тебе постичь предмет моих раздумий? Ведь даже и мне это пока непосильно. Но есть, есть в твоих словах изрядная доля истины: актуальна ли сейчас сущность бытия, когда третий откид зарплату не возмещают? Что делать будем, Кеша?

– Права качать, что ж еще, – Лукреций энергично почесал бок правой промежуточной конечностью. – Вот валенки зажали, пусть выдадут. А как выдадут – тогда в тепле и поразмыслим. Ноги-то, они тепло любят. И тараночки б. С пивом.

– Да, я бы не отказался, – с глубочайшей грустью в голосе объявил Фомич. – А еще лучше не отказаться от элмоновой настоечки. Знаешь, на корешках растеньица одноименного настоенной. Просто прелесть...

А за защитным полем жутко выл и надрывно свистел тропический ураган «Рыбка», заваливая бескрайние просторы этой закинутой на самый край Галактики планеты крупными хлопьями замороженного аммиака, понуждая застигнутого непогодой случайного путника поглубже закопаться в сугроб, после чего затянуть в теплом аммиачном убежище унылую песнь «О Далеких Мирах Растана-Юни». Бледное Светило слабо пробивало лучами своими пелену урагана. Кургузые говорящие скалы жались в плотные кучки, не переставая бормотать свои былинные заклинания. Долина же представлялась большой наполненной аммиачным снегом сковородой, плавающей в беспредельности метанового океана, который, впрочем, отсюда, со сковороды, было не разглядеть.

А Лукреций все распалялся:

– В натуре, щас сморкалкой-то вжикну, да по Полюсному Контакту!

– Ну-ну, Кеша, ты так не горячись. Забыл чем в Отстое шутики-то плохи?

– А этим, значит, можно? – и Лукреций мрачно мотнул головой в сторону группы лохматых индивидов, развлекавшихся подбрасыванием Главного Опреснителя Сегмента А234 под самый свод купола защиты их ячейки Отстоя. – Щас я им...

А лохматые тем временем выломали очередную железку из Локальной Установки Обогрева, невзирая на неоднократные предупреждения Основного Истопника. При этом они ссылались на соответствующий пункт Устава о личной физической ответственности, исключая тем самым ответственность объективационную. В углу, окончательно сместившись из фокуса воспламенения, одиноко светила струя обогрева. Лохматым на это было явно наплевать.

Фомичу тоже было наплевать на это безобразие. Его занимали другие вещи. Он сидел на лежаке, болтал в воздухе нижними и с ностальгическими прищелкиваниями в голосе разглагольствовал:

– Вот и я в детстве, помнится, тоже что-то такое наблюдал. Субстанциональные выбросы, анализирующие последовательности предикативных посылок. Как же это было чудно, весело и радостно. Эх, Кеша, врожденные идеи, что может быть прекраснее! А как нет врожденных идей, то любые представления внешней реальности оказываются лишь комбинацией ощущений и имеют одно субъективное значение. Из-за чего все содержание внешнего мира носит субъективный характер и, следовательно, внешнее бытие остается за неизвестною причиною наших ощущений. Но тогда, Лукреций, как же можно приписать неизвестной причине предметное бытие? И что мы имеем? Вещь, значит, не есть сущее, а сущее – не есть вещь. Я на это, Кеша, никак не согласен. У меня принципы, тоже врожденные, между прочим. Хотя, можешь ли ты постичь сию драму идей?

– Как же не могу-то? – обиделся Лукреций. – Очень даже могу. Как не мочь-то, когда сам, помню, как возьмешься всеми правыми за Исходник, да как направишь его в нужную сторону. Знай себе успевай перманентные выбросы вылавливать. А то, помню, еще когда мы всей семьей жили в окрестностях Двойного Пульсара Лим, мы с дружбанами выхлопной коллектор Боевого Рейдера Первого Типа подпилили наугольниками. Такими штучками с хромопластиковыми зубчиками, сейчас таких уже нигде и не увидишь. Так нас потом весь экипаж и батальон обслуживания по полигону реперными шмурлами гонял. Ну и досталось нам тогда, Фомич, на орехи. Двенадцать оборотов отлеживался. Зато потом... – и крупная слеза неожиданно выкатилась из морщинистого глаза Лукреция.

Лукреций снял ее с лица рукавом и удивленно на нее посмотрел. И сокрушенно шмыркнул обонялкой.

– Что-то я не помню, чтобы у тебя была семья, – подозрительно зевнул Фомич и, почесав за задним ухом, с интересом уставился в смотровой светопропускатель.

– Ну так и что ж? В системе Двойного Пульсара Лим у меня и не такое было!

– Ладно, рассказывай. Там что, континуум причинностный с нарушениями хода был?

– Чего? – не понял Лукреций. – Да нет. Если хочешь знать, у меня было целых три семьи, только об этом говорить нечего. Лишнее это. Тем более, что от всех трех я сбегал, стало быть их и не было вовсе...

Фомич аж подпрыгнул.

– Стой, Кеша, ты мне интересную идейку подкинул. Как бы это аккуратно сформулировать? Если нечто было, но мыслящий объект это отрицает, то было ли это на самом деле? Должны же быть у мыслящего объекта онтологические права! – Фомич даже разделенелся от внезапно налетевшей мысли.

– Права? Как же, помню. В системе Четырех Зеркалок мы с дружбанами, только не с теми, что в системе Двойного Пульсара Лим, а с другими, из местных, права качали. А надо сказать, это самое качание прав требовало, чтоб соображалка была – не то, что у лохматых. Там ежели не так качнешь, так тебя тут же унавозят. Проблема у них была с Унавоживанием Почв. И без качания, опять же, никак нельзя. Забреют в Защитники Порядка, а это гораздо хуже, чем быть унавоженным.

В этот момент с грохотом всхлопнулся общий впускатель, и внутри Отстоя возникла тень Основного.

– Значит так, господа Отбыватели, в противоречие параграфу пять Действующего Устава Галактического Отстоя, задержанная зарплата не возмещается больше ни валенками, ни подзарядкой от агрегирующего питателя. Хотя, права качать сегодня не запрещается, опять же в противоречие параграфу шесть статьи одна тысяча третьей вышеназванного Устава. А от себя добавлю: вы, мужики, меня, знаю за кого держите, так я не сержусь. Наоборот, никогда еще обо мне не думали так, как вы. А думали обо мне по-разному. Вот взять того же знаменитого Цыца из общности Лесопроходимцев, что в туманности Кука, мнимая ему память. Так удумал, стервец, что я – не я, а Отражатель Дыхания Отбывателей. Ну и где он теперь? Не знаете? Вот и я о том же. А вы еще сможете узнать, если, конечно, перестанете соответствовать.

И с этими словами тень Основного схлопнулась. Пронесся лишь порыв ветра. И тут же тревожно замерцали Мигалки, квазиживые организмы, во множестве гнездящиеся на сводах Отстоя.

Глава 2

Какими же недобрыми ветрами занесло наших героев в Отстой? С чего началась эта история? Дело было так.

Главный Координатор Пространственно-Временных Связей отдела Второго Закона Термодинамики Карантинно-Санитарного Управления Фомич, пребывая в некоторой рассеянной задумчивости, слушал обращенную к нему речь Спонсора Сектора. Из коей следовало, что во вверенном ему Секторе систематически наблюдаются злостные отклонения от Второго Закона Термодинамики. Например в виде появления сомнительного качества скоплений диффузной материи и непрогнозируемых Гигантских Флуктуаций.

Координатор Фомич стоял у обзорной панорамы, прислонясь к холод – ной терпкости панели впускателя, и загадочно улыбался своим потаенным мыслям. На душе было легко и свободно. Где-то пели птички, пиликал Большой Аккомпаниатор, наигрывая Марш Боевых Сопратников. «Почувствовали, значит, зашевелились», – радостно думал Фомич. Беспокойство Спонсора означало одно – все те десять дливов, что Фомич провел в должности Главного Координатора, прошли не напрасно. Ибо Второй Закон, хотя и неохотно, но начал поддаваться неотступному напору могучего интеллекта Фомича. «Я же говорил вам, что бытие вещей суть их представление!» – Главный Координатор наконец ощутил то самое, едва уловимое, что называется смыслом жизни.

А надо сказать, что Сектор Галактики, который курировал Фомич, был на довольно приличном расстоянии от направления главной компоненты волнового вектора знаменитой Радиогалактики У. По статистическим расчетам Отдела Головных Преобразований излучение Радиогалактики У никак не могло влиять на ситуацию во вверенном Секторе. Но это были одни лишь теории. На самом же деле, благодаря этому могучему излучению, особенно его длинноволновой составляющей, покой в Секторе систематически нарушался. Знал об этом Фомич, знал, но всячески замалчивал эту неравновесность. За что, собственно, впоследствии и поплатился.

Второй наш герой, Лукреций, работал Техником-Наладчиком обычного «Демона Максвелла», единственного, кстати, на весь Сектор. Все еще недостаточно освободившись от некоторых привычек, приобретенных во времена далекой молодости, он нет-нет да и ввязывался в не совсем корректные по отношению ко Второму Закону аферы.

Вот так и жил он обычной жизнью Техника-Наладчика обычного «Демона Максвелла», когда однажды нагрянула к нему делегация Гравористых Ынтров с планеты Микзар-5. А надо заметить, Лукреций в тот пук находился в глубоком проколе после того, как неудачно загнал запаску стартового ключа мужикам якобы из Космической Экспедиционной Службы. В обмен те мужики предоставили ему управляющий фрагмент третьей аннигиляционно-транзисционной тяги межпланетного балтогруза, которую от Лукреция уже давно ждали некие покупатели. Фрагмент оказался со скрытым изъяном. Изъян этот настолько бросался в глаза, что предложить фрагмент могли только последние астронавты, космическое хулиганье, каковыми они на самом деле и являлись. А не заметить его мог только вдребзги пьяный Лукреций, каковым он обычно и бывал в конце каждого рабочего пука.

А дальше было так. Заваливает вскоре Лукреций в известную забегаловку «У Сверхновой», как всегда развеяться, пропустить пару блюмов зеленухи, ну и как обычно – набить кому-нибудь морду, или что там у них подвернется. Просмоленный трактирщик Ширь, хорошо зная веселую натуру Кеши, не мешкая проложил фарватер к его любимому столику у северного окна. За соседним же столиком вольготно развалился житель народности Айо-Какайна, одной своей конечностью лениво перелистывая брошюрку «О проблемах бытия квадруполюх андропоидов». Брошюрка была нашифтована на языке Лимпоники. И судя

по тому, что абориген читал ее с обратной стороны, резкими толчками переворачивая страницы, – читал он не с целью получения знаний, а для разжигания аппетита.

– Опять тут всякая мразь пасется! – недружелюбно пробормотал Лукреций, со всего размаха всадил крючок для питания в ножку седла жителя Айо-Каайна и с силой дернул. Абориген рухнул на пол с подозрительной поспешностью.

Трактирщик хитро прищурился и щелкнул испускателем. Немедля подскочила официантка, лихо волоча за собой тяжело груженную тележку с обычным заказом Лукреция. Лукреций аппетитно втянул обонялкой разноцветное облако ароматов, сопровождавшее тележку.

– А мне? – обиженно пропищал с пола абориген, неуверенно пошамкав своими плуперными конечностями, употребляемыми обычно в напряженные моменты жизни. – Я раньше сделал заказ!

– Отлезь, люпус, – миролюбиво ухмыльнулся Лукреций и всосал первый блюм, тут же закусив его охлажденным приаме. Из обонялки вырвалось голубоватое облачко спор уснувшего инея. – Ух, хорошо пошло! Говорю вам, мужики, быть дождю. Видали, как иней-то верхом пошел?

– Какой дождь? – озадаченно пропищал абориген. – Отродясь в наших краях дождя не бывало.

– Ты сначала Дистановый Диалект выучи, неуч, а уж потом свою говорилку раззявывай, – почти дружелюбно сказал Лукреций, разомлев слегка от первой дозы.

А в это время в забегаловке мало по малу устанавливалась нормальная вечерняя атмосфера, столики уже не пустовали, по всему залу оживленно сновали официантки, развозя заказанные блюда. Сквозь низко висящее облако ароматических испарений и дымовых образований с трудом можно было различить небольшой помостик у фосфоресцентной стены. На помостике постепенно разрасталась пузырчатая масса музыкального коллектора. Было хорошо и уютно. В этой атмосфере Лукреций чувствовал себя как дома, которого у него, впрочем, никогда не было.

– Где твой дом, усталый путник... – гнусаво затянул свою первую мелодию коллектор.

– Где, где... Где надо – там и дом, – вновь стал распялаться Лукреций, озираясь в поисках оппонента.

Пока вроде никто не возражал. Это его еще больше распалило. Ненавязчиво в поле зрения возник все тот же незадачливый абориген, произвольно вызвав воспоминание о злосчастно приобретенной аннигиляционной тяге и, как следствие – полной финансовой несостоятельности. Да и желтковый, с мелкопузырчатой фрутью окрас аборигена не способствовал смягчению ситуации.

Лукреций перешел к активным действиям не мешкая. Он еще раз обвел взглядом залу и окончательно зафиксировался на аборигене. Бедолага как раз мучался над сахарной косточкой прыгающего пыгна, пытаясь не разгрызая впихнуть ее в свою узкую плотательницу. Крупные, сверкающие капли выступили на его затылочных долях.

– Где-то я тебя уже видел, – зловеще заверил Лукреций ничего не подозревающего аборигена. И припечатал его тяжелым взглядом к седлу: – Не ты ли это тогда дышал мне в затылок, когда мы с дружбанами перли коленчатость эн-мерности по Немой Протоке Парки Примы?

Абориген никак не реагировал на эти слова, продолжая безуспешные попытки заглотнуть сахарную косточку.

Вмиг все вскипело внутри Лукреция, и вместе с этим дискантно вскипели и отвесно оборвались звуки музыкального коллектора, никогда не отличавшегося храбростью. В забегаловке воцарилась тишина. Завсегдатаи знали: издавать звуки, когда Техник-Наладчик в таком настроении, опасно. Куда-то исчезли официантки, а музыкальный коллектор приплюс-

нуто растекся блином по своему помосту. Тишину нарушало лишь громкое жадное чмокание ничего не подозревающего аборигена.

Заметил ли абориген мгновенное изменение обстановки – сказать трудно. От короткого удара верхней аборигена вынесло в окно. Дыра в окне незамедлительно стала затягиваться. Наполовину протолкнутая было в глотательницу аборигена сахарная косточка еще долго с легким шелестом вращалась на опустевшем столике.

Тут же, по уже устоявшейся традиции, зал потихоньку наполнился звуками, а к столику Лукреция бойко подкатила веселая официетка и вывалила на столик второй блюм. Вмиг подобревший Лукреций расслабленно откинулся на спинку седадла и стал неторопливо потягивать блюм, со знанием дела заедая его любимыми фаршированными в прыне карликовыми снипсами и блуждая по залу мечтательным взглядом.

Опять заголосил коллектор, разливая задушевные звуки вальса «Покорителей Пространства». Соседний столик тут же оказался занятым.

Так бы и закончился этот обычный вечерок в трактире «У Сверхновой», если бы новые соседи не обсуждали свои проблемы так громко. Не обратить на них внимание Лукрецию было просто невозможно.

– А ты заметил, – орал один из них, – как она за последние два длива бессовестно сильно покраснела, зараза?!

– Чур тебя, не говори так о ней. Она этого не любит! – прокашлявшись, испуганно просипел второй, более старый на вид, чем его собеседники.

– Да только к чему теперь все эти ритуальные тонкости! Она краснеет оборот за оборотом, – сокрушенно махнул верхней левой третий.

– А ведь мы ей в прошлом дливе столько жертв принесли!! – не унимался первый. – А ей хоть бы что!! Две любимые луны – Пруньку и Тауньку скормили. Помню, я на Тауньке еще в детстве по чатным рытвинам крапиков гонял.

– А кто не гонял, скажи?

– Ну я не гонял, – удивился старый. – Во времена моего детства у нас Тауньки еще не было, не успели еще... это самое...

– А на Пруньке, помните, какой замечательный камнепадик-то был? Со всей Галактики поглазеть на него прилетали.

– Ой, не говори, сил нет об этом вспоминать. Муторно-то как, братья-Ынтры! – грохнул по столу верхней правой третий.

– Нет, ну в самом деле, мужики, вы это завязывайте. Здесь общество, понимаешь, культурно устроилось, прочуханка легкая такая пошла. А из-за вас, вон, коллектора не слышать, – в обычной своей манере обратился к трем Ынтрам Лукреций.

– Ты, странник, видно у нас в системе Микзара не бывал.

– То-то я смотрю и никак не признаю его, – поддакнул опять невпопад Старый Ынтр.

– Я не странник, я техник. А вы-то кто будете? Раскричались тут.

– Ынтры мы, сынок, Ынтры. Гравористые. Слыхал, небось?

– А... Слыхал, как не слышать. А вот повидать не довелось... Ведь это у вас светило – Белый Сверхгигант, один на всю Галактику? Единственный в своем роде, можно сказать – Бриллиант Ночного Неба?

– То-то и оно. Был белый сверхгигант, а стал желтый карлик. И в красного превращается прямо на глазах.

– Чур тебя! – негодуяще затрясся старый. – Не красный еще!

– Э, недолго ждать осталось. Все одно – всем нам теперь в распыл.

– Отчего ж так сразу-то? – удивился Лукреций. – Не один вам люпус – карлик, гигант? Свет есть, греет. Не пойму я вас. Мутные вы какие-то.

– ?!! – в крайней степени возмущения пошел лиловыми пятнами Старый Ынтр.

– Свет, тепло – это все лирика, господин хороший. Да только жить с красным карликом нам никак нельзя, – поднял на Лукреция свои сканирующие дуги первый Ынтр.

– Этические принципы не позволяют. Вот дело-то как обстоит. У нас красны только дрымы, а чтобы солнце – этого нам не пережить! – раздельно произнес третий.

Совершенно внезапно Лукреций заинтересовался этим делом. Он заказал добавочный блюм и решил поразмыслить. К размышлениям же его подвигла главным образом не проблема Ынтров, а проблема собственных финансовых затруднений. «А ведь их карлик на пару миллионов кредитов тянет», – возникло в голове.

– Так говорите, вам с красным карликом никак нельзя? – с деловой озабоченностью в голосе обратился он к Ынтрам.

– Никак, сынок.

– С карликом можно, с красным вот нельзя.

– Таковы уж наши этические принципы.

– Ясно. А позвольте поразмыслить вслух, если вам не в обиду... В принципе, изменение цвета звезды задача с технической точки зрения не такая уж безнадежная. Ежели, конечно, подойти творчески. Но сами понимаете – транспортировка технического устройства, накладные расходы... – и Лукреций многозначительно замолчал, повернувшись к окну, за которым, как обычно в это позднее вечернее время, возгоралась Сверхновая.

Сверхновую трактирщик Ширь, мужик не без выдумки, повесил на орбите для привлечения галактян и прочих обитателей Галактики, кто при деньгах, в свой трактир.

– И на сколько же это нам потянет? – озабоченно спросил первый.

– Мы, сынок, ради принципов за наличностью не постоим, – невпопад брякнул старик.

– А может, по бартеру получится? – предложил третий.

– Да я, собственно, так это, в порядке размышлений вслух. Как ни крути – целая звезда... Не ящик с запчастями. Здесь помозговать надобно. Кто бы, интересно, мог с ней совладать, с проблемкой вашей? Хотя, вот если б использовать штучку такую, «Демон Максвелла» называется. И запустить ее, ну скажем, на три серии оборотов. Тогда может что и получится. Только кто, опять же, за это возьмется?

– А ежели ты, спаситель наш?! – воскликнул старик, восторженно ткнув в Лукреция своей морщинистой семерней.

– За пять сотен, – осторожно добавил первый.

– Нет, парни, за такую сумму на нашей базе только шпангоуты пассажирским лоханкам правят! – возмутился Лукреций. – Так то плановая работа! И никакого творчества. А у вас такое тонкое и щепетильное дельце.

– А может все-таки бартером? – уже не так уверенно предложил третий.

– Три двести и никакого бартера, – сурово заявил Лукреций. – Об этом дельце завтра же во всем Секторе заговорят. А это ж такое дело – могут и с работы попереть.

– Три двести? – подпрыгнул первый. – Тысяч?!!

– Не губи, сердешный! Да мы за нашу родимую последние лохмотья с себя... – бухнулся на все три нижние Старый Ынтр.

– Я все в толк не возьму – чем бартер-то плох? – никак не мог сообразить третий.

– Три миллиона! Вперед и наличными, – твердо заявил Техник-Наладчик.

– Да как?.. Ты что?.. Откуда?.. За как?.. – наперебой заголосили Ынтры.

Лукреций осмотрелся. Все в зале смотрели в его сторону.

– Вы что, мужики, юмора не понимаете? Да я так. Развлекаюсь.

– Так ты, значит, развлекаешься?! – недобро прижмурился первый Ынтр, внушительных габаритов мужик, и покрылся боевой мухравистой слизью.

– Дык, а как же? – резко сбавил обороты Лукреций. – Я же говорил, дело это творческое...

– А послушай, сынок, меня, старика. Почему бы не разрешить это творческое дело добром? – внезапно заговорил разумно Старый Ынтр, широко раскрыв доселе закрытые верхние сканирующие дуги. – Мы ведь, яхонтовый, давно за тобой наблюдаем. Не скажешь ли нам, кто эдак полтора длива тому фурху суспензионную загнал бородавочникам канопнистым? Или вот, к примеру, была, помнится, в квадранте Цэ-6 черная такая дырочка, микрошка, понимаешь, эдакая. Никому, вроде бы, не мешала. А ведь это дело можно и поглубже копнуть. Хотя зачем далеко ходить – возьмем тех же астронавтов отъявленных. Откуда у них, спрашивается, возник нулевой стартовый ключ? И куда они теперь двинутся на своих жутких ретункерах? Не задумывался? А стоило бы. Так что, посуди сам, куда тебе, брильянтовый, рыпаться? Ты у нас вот весь где, – и Старый Ынтр плотно сомкнул обе промежуточные.

– Ты не то, что спектральный состав выправишь, ты наш карлик вручную перекрасишь! – рявкнул первый.

– Ах вот даже как... – промычал в некоторой задумчивости Лукреций. – Тогда, стало быть, так: два миллиона и никакого бартера. Первый сразу, второй по окончании работ. И мой сегодняшний ужин за ваш счет.

С этими словами Лукреций высосал остаток блюма, поднялся и не спеша, как и подобает Технику-Наладчику, направился к выходу. Вослед ему раздались восторженные аплодисменты сидящих в зале. Официетки обменивались лукавыми трелями, завсегдатаи уважительно перешептывались в том плане, что, мол, молодец наш Кеша, не посрамил честь Сектора, уел этих периферийных выскочек, и подпускали при этом тактичную долю завистливых вздохов. Музыкальный коллектор грянул Победную Песнь «Ты мой единственный Герой».

Глава 3

Техник-Наладчик «Демона Максвелла» был, собственно, единственной фигурой в Секторе, имевшей доступ к вышеназванному устройству. Остальные, трудившиеся в Секторе, занимались роботами-латателями, схемами передач, связью с отделом информирования, расчетами причинно-следственных возмущений континуума, игнорируя которые, как известно, не достичь Теплового Равновесия.

Сектор был на хорошем счету в Управлении. В минувшем дливе он даже удостоился благосклонного внимания самого Верховного Спонсора за сверхплановое уравнивающее перераспределение атомов с молекулами в системе Красных Смуржев.

Сегодня Лукреций приближался по обходному рукаву к своей Техничке в приподнятом душевном настроении. Два миллиона кружились в его сознании один вокруг другого. Поэтому он не сразу заметил робота-уборщика, стоявшего прямо поперек дороги с поднятым наперевес пылесборником. Голос робота звучал странно-металлически:

– Я робот-убийца! Я робот!!! – здесь что-то мелькнуло в его зрачках, напоминающее искру то ли мысли, то ли короткого замыкания, и он продолжил: – Следовательно, я не могу убивать. Но я робот-убийца! Берегись!.. Я робот! Следовательно...

Судя по всему, уборщик вел вслух свой внутренний диалог не первую долю оборота, безуспешно пытаясь разделить себя на убийцу и уборщика. «Однако, предзнаменование не из лучших», – подумал Лукреций и зашел в Техничку.

Сектор в данный исторический момент решал очередную глобальную задачу, а именно – Тотальное Облунивание Планетарных Объектов в целях наиболее равновесного распределения плотной материи в Секторе. Задача неуклонно приближалась к неизбежному решению, и это вызывало спонтанные пароксизмы бешенства у Главного Координатора Фомича. Контроль за Облуниванием не входил в сферу его непосредственных обязанностей. Но наблюдать за методически выдержанным надругательством над вполне самостоятельной Природой было выше его сил. Что, естественно, и наводило его на невеселые мысли.

Фомич был противником Тождества Мышления и Бытия, обычно интерпретируемого КСУ в пользу Мышления. И в данной ситуации он отдал бы заднее ухо, а заодно и именную чиркалку с позументом, за особые права Бытия.

По мнению Фомича борьба с Природой носила характер хорошо известного мордобола в одни ворота. Тысячелетиями Природа делала все, чтобы совершить нечто совершенно ей не свойственное – распределить материю в пространстве так, чтобы Закон Великого Равновесия совершенно не соблюдался. И добила-таки Природа своего – в самых неравновесных местах Бытия возникло то самое Мышление, которое, немного развившись, вдруг стало пытаться отождествить себя с Бытием. Но и этого Мышлению показалось мало, и оно принялось перекраивать Вселенную дабы все уравновесить, распределить всем и всего поровну. Природа, совершенно не ожидавшая такого поворота событий, потихоньку сдавала позиции.

– Тындыть вашу, – чертыхался Фомич каждое утро, собираясь на работу. – Равномерно распределенная по пространству материя это что, полный хаос, или наоборот – высшая степень порядка?

Этот вопрос как головная боль вот уже десять дливов мучал Фомича по утрам. Избавиться от него можно было только одним способом – выпить холодный освежающий пыньк на голодный желудок и бежать на работу.

А работа у Фомича была интересная. Каждые первые полоборота необходимо было являться на службу в большое светлое тускало, подниматься на гироплюхте в свой рукав, находить личный пространственный снут и пребывать в нем ровно одну треть оборота.

Как Главный Координатор Пространственно-Временных Связей отдела Второго Закона он должен был контролировать все средне – и крупномасштабное, что происходило в курируемом им Секторе Галактики, на предмет выявления и недопущения неконтролируемых флуктуаций. Но в душе-то Фомич был принципиальным противником всяческого равновесия, как структурированного, так и бесструктурного. Какой-то глубинной интуицией ощущал он, что думать над проблемами бытия в условиях глобального, в том числе умственного, равновесия затруднительно.

От философских размышлений Фомича отвлек шелестящий звук и сочный, поставленный бас рывкнул в окружающее пространство:

– Внимание всем Соратникам! Приготовиться к принятию Директивы Спонсора Сектора!

Ничего хорошего Фомич от директив Спонсора Сектора не ждал и в силу служебного положения мог их не принимать. Но из любопытства решил ознакомиться и с лязгом дернул на себя рычаг Тумблера Исходящих Указаний. Из подающей щели с шорохом полез рулонный лист ядовито-салатной ксетобумаги. Фомич обреченно уставился на текст. Текст гласил: «Совершенно секретно.

Всем соратникам Сектора.

Настоящим довожу до сведения соратников, что проект Тотального Облунивания Планетарных Объектов успешно приведен к логическому завершению.

Однако, во вверенном мне Секторе наблюдаются значительные отклонения от равновесного состояния в виде немотивируемых взрывов Сверхновых, Новых; скоплений плотной материи в виде звезд-гигантов и неоправданно больших перерасходов энергии в голубых карликах.

Согласно расчетов Отдела Головных Преобразований оптимальным состоянием скопления плотной материи является состояние красного карлика. Настоятельно рекомендую всем Соратникам направить свои усилия к разрешению возникшей проблемы».

– Сволочи, – вырвалось у Фомича не свойственное ему соленое словечко, – уже и за звезды принялись.

Он в сердцах рванул на себя рычаг Личных Отправлений и, лихорадочно манипулируя джойстиком, на скорую руку составил послание Спонсору следующего содержания:

«От Главного Координатора

Пространственно-Временных Связей Фомича.

Настоящим довожу до вашего сведения свои принципиальные соображения относительно предлагаемого плана оптимизации состояния плотной материи в Секторе. Полагаю необходимым уведомить вас, что согласно общеизвестной теории Брандмауэра-Формовского, начисто игнорируемой многоуважаемым Отделом Головных Преобразований, любые структурные вмешательства в направлении повышения энтропии и достижения очередного энергетического минимума, сопровождаемые глобальным выделением энергии, влекут за собой необратимые континуальные последствия с непредсказуемым поведением энтропии в системе. Попросту говоря, существование и Сектора, и самого Управления в данной пространственно-временной действительности будет поставлено под угрозу.

Подпись: Фомич».

Фомич еще раз просмотрел послание и остался им вполне доволен.

«Этим их не проймешь, но для предстоящей борьбы за звезды будет не лишним». Он потянулся было к рычагу Отправления Корреспонденции, как вдруг замигал индикатор при-

ема срочного сообщения. Фомич недоуменно перемигнулся слева направо обоими рядами гляделок и рванул рычаг приема. Из устройства тут же пополз текст сообщения. «Специально для Фомича.

Строго Конфиденциально.

По прочтении – уничтожить посредством пищеварения.

Официальное разъяснение.

Настоящим довожу до вашего сведения, что в свете намечаемых преобразований плотной материи в Секторе, аналитическим подразделением Сектора разработаны следующие методы утилизации излишков энергии в целях недопущения проявлений нежелательных последствий, предсказываемых теорией Брандмауэра-Формовского:

– высокочастотная энергия подлежит утилизации посредством наполнения ей Черных Дыр Сектора;

– низкочастотная энергия подлежит утилизации на хозяйственные нужды Сектора;

– невостребованные излишки предполагается равномерно распределить в пространстве Сектора или обменять на соответствующие материальные ценности в соседние Сектора.

Подпись: Начальник Канцелярии Сектора Крюгер».

– Да что же это такое происходит? При чем здесь энергия? Я же имел в виду критическое падение энтропии! – и Фомич озадаченно посмотрел на свою докладную, которую он еще не успел отправить. – А, чтоб вас люпус поправил.

И с этими словами Фомич нажал рычаг, но все еще не Отправлений, а Личной Корреспонденции – как и следовало ожидать, ящик пуст не оказался. Соратники не дремлют!

«Куратору Сектора

Главному Координатору

Пространственно-Временных Связей Фомичу

Копия в Совет Спонсоров

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим доводим до вашего сведения, что работающий во вверенном вам Секторе Техник-Наладчик Лукреций в противоречие духу и букве последней Директивы Спонсора, а также в целях извлечения шкурных интересов, вступил в преступный сговор с небезызвестными обитателями Микзара-5, намереваясь абсолютно злостным и совершенно беспринципным образом осуществить локальное вмешательство в Величайший Второй Закон путем недопущения превращения безукоризненно желтого карлика, известного ранее как Белый Сверхгигант Микзар, в просторечии именовавшегося «Бриллиант Ночного Неба», в Оптимальный Красный Карлик. Требуем незамедлительных и решительных воздействий с целью пресечения возмутительных и наглых деяний вышеобозначенного субъекта.

Подпись: Группа Бдящих Соратников».

Некоторое время Фомич размышлял. Затем нажал рычаг Вызова. Незамедлительно всхлопнулся проем и в снут шагнул Лукреций. Приняв предусмотренный Уставом изгиб с растопыриванием он, как обычно, заорал:

– Главный Координатор Фомич!..

– Оставьте, Лукреций, будет вам. От ваших инфрачастот у меня в ушах волнирует.

– Ну вот и я о том же, шеф.

– Приваливайтесь, – и Фомич указал на стоящее посреди снута седадло.

Лукреций неторопливо подошел и со свойственной ему легкой небрежностью, опустился в седadlo.

– Видите ли, Лукреций, – начал Фомич. – Тут такое дело... Ну в общем прочтите.

С пяток сотых долей оборота Лукреций осознавал прочитанное, медленно покрываясь гневными цветами видимой и невидимой части спектра. Наконец, не выдержал и взорвался:

– Хулиганье! Астронавты хреновы! Завистники клюповатые!

– Так значит, это правда? – цвет нескрываемой радости проступил на лице Фомича.

– В каком это смысле? – насторожился Лукреций.

– А вот прочитайте-ка еще и вот это, – и Фомич перебросил Лукрецию Директиву.

– Так ведь секретно же, шеф, – осторожно возразил Лукреций.

Хотя он, как и все соратники Сектора уже ее читал, но принимать секретный документ не по официальному каналу считалось в Управлении дурным тоном.

– Я хочу, чтобы вы вникли, – Фомич хорошо знал, как Техники читают Директивы. Они их попросту не читают.

– То есть как – красные карлики?! – стал постепенно доходить до Лукреция смысл прочитанного. – Надо ж такому... Я ж с них половину уже взял... Назад ведь уж никак... Как же ж теперь-то?..

– Значит, правда, – удовлетворенно заметил Фомич. – Вы знаете, Кеша, я ведь давно за вами наблюдаю.

– И этот тоже наблюдает, – недоуменно проворчал Лукреций. – Что-то я стал слишком популярен.

– Я очень рад, Кеша, что в вашем лице, заметим, единственно нормальном лице во всем Секторе, я нашел твердого и непримиримого борца с принятой в нашем Управлении Концепцией Равновесия. Я не ошибаюсь?

– А клюпы его знают, – окончательно запутался Лукреций.

– Вот-вот. Видите ли, Кеша, бытие вещей есть их представление. А теперь посмотрите вокруг, что там видно, что, так сказать, представляется? Правильно, одни красные карлики, миллиарды красных уродцев, болезненно-красное пятно на теле Галактики, величиной в целый Сектор, – Фомич откинулся в седadle и как-то отрешенно, с признаками брезгливого недоумения, посмотрел поверх головы Лукреция.

Казалось, он созерцал то ли голограмму Верховного Спонсора, то ли панораму Сектора, побитую красными точками красных карликов, как изъеденный молью пиджак. Но, спохватившись, добавил: – Но зачем же вы взяли деньги? Борьба за справедливость – дело бескорыстное!

– Мне без денег никак нельзя, – угрюмо пробормотал Лукреций. И, используя редкое жаргонное словечко «человек», пояснил: – Я человек пьющий.

Это объясняло многое.

– А, понимаю, понимаю. Вынужденные обстоятельства. Я, помнится, в детстве тоже... – Фомич, правда, имел в виду вовсе не питье, а напротив, именно вынужденные обстоятельства. – Впрочем, к делу это не относится.

Фомич замолчал. Молчал и Лукреций, сосредоточенно разглядывая панорамные пейзажи различных секториальных достопримечательностей. Молчание все затягивалось. Наконец, Лукреций не выдержал.

– Ну так что же, босс? – и вернулся к рассматриванию достопримечательностей.

– Я понимаю, Лукреций, что возможности ваши невелики. Кстати, на сколько циклов качания вы загрузили «Демона Максвелла»?

– Дык на все три, – сказал Техник-Наладчик, а про себя подумал: «Знал бы ты о моих возможностях!»

– На все три? Гм. А под каким углом к этой звезде вы его установили?

– Ясное дело – под предельным, – Лукреций не любил полутонков и незавершенностей. Он все делал по максимуму, но в рамках оплаты.

– Вот это дело! Вы хоть представляете, Кеша, что там будет через полтора-два длива?

– Как что будет? Белый Сверхгигант! Согласно уговору, в аккурат на два миллиона, – воскликнул Кеша и осекся. Он внезапно стал осознавать, чем это ему грозит. – А что, – сбавил он тон, – планетки те, Микзары, распылиться могут, поплавиться? Или еще что похуже?

– Да видишь ли, не в планетках дело. Здесь, понимаешь, дело покруче. Не планетки – тебя распылить могут, а если я не воспрепятствую, то и меня. Секретную инструкцию 1867-ЮГ2 читал?

– А как же. Злонамеренное использование служебного оборудования в личных корыстных целях при отягчающих обстоятельствах.

– Да какое там использование в личных целях?! Использование – это мелочь. Ты же своей установочкой весь их план переустройства Сектора на экзистенцию переведешь.

– Чего? – не понял Лукреций.

– Та же инструкция, пункт бэ.

– Ну?.. Ни фиги себе! Так это ж что ж? Это ж меня...

– Вот и поговорили. А остановить демона твоего уже нельзя?

– Никакой возможности, шеф.

– Чудненько. Кеша! Мы их не докладными, а делами уделаем. Мы им субстанциональную жижу-то из сморкалок повыпускаем. Они у нас предикатами ходить будут, – распалился Фомич, любовно оглаживая рычаги пульта. – Мы им сделаем представление вещественности. Еще то представление!

– А как же пункт бэ?

– Сформулируем следующим образом, – Фомич взялся за джойстик. – «Ввиду сложившейся необратимости ситуации признать действия Техника-Наладчика Лукреция проявлением халатной небрежности, влекущей административное взыскание третьего уровня». Ну, здесь еще пару слов от себя и подпись.

– Постой, постой, шеф! Третьего уровня? Так это же лишение зарплаты на три пука! Нет. Невозможно.

– Ну, тогда пункт бэ. Вот, собственно, какова альтернативка-то. Ну что, подпись ставить будешь?

– Буду, – обреченно согласился Лукреций и потянулся к протоколу.

– Вот и чудненько. Как говорится, когда понадобится, нас вызовут. Ступай и не бери в голову.

По снуту пронесся шорох схлопнувшегося впускателя. И Фомич уставился в окно.

А за окном загорались огни планетополиса. Мирно перемигивались рекламные щиты, величественно проносились вечерние гравиробусы, народ сновал по улицам. Неторопливо курсировал среди этой суматохи полицейский дирижатор. Видно, дел у него особых не было. Все было как обычно, спокойно. Только под мощным защитным куполом повышенной безопасности рвались фотонные брызгалки и неистово сверкали вспышки грависторных расщепителей: это на игровой площадке детского садика родители забирали своих детей.

И над планетарным спокойным благополучием, из-за крыш далеких, почти не различимых в золотистой вечерней дымке небоскребов, медленно и неотвратимо вставала роковая Радиогалактика У. А ничего не подозревающий народ расползлся по своим обиталищам, чтобы спокойно отужинать, всосать вместе с новостями вечерние блюмы и заснуть. С тем, чтобы не завтра, так послезавтра, проснуться лучистым, прохладным утром в мире, над которым уже нависла жуткая и практически неодолимая опасность.

Но это потом. А пока... Спи спокойно, мир, твой час еще не пробил. Стрелки твоих часов еще не сошлись в грозную, все разверзающую прямую. Еще не ударили молоточки,

разнося над тобой фатальный грохот падающих стен, погребаящих под собой осколки твоей Судьбы. Спи спокойно, мир. Спи. Пока...

И Фомич отвернулся от окна.

А через пару сотых он уже запрашивал информацию о последних событиях в зонах Сектора, лежащих в направлении дуальной компоненты волнового вектора Радиогалактики У.

Глава 4

В Техничке у Лукреция было прохладно и сумрачно. За плавными изгибами защитного поля угадывались контуры роботов и разнообразных устройств. Это была Внешняя Техничка. Во Внутреннюю, надежно укрытую особым личным полем, Лукреций никого и никогда не впускал. На это у него были серьезные причины.

Во-первых, бар. Комбинация размещенных там напитков была настолько уникальна, что от рождения не склонный доверять кому бы то ни было Кеша не подпустил бы к нему и робота-мусорщика, не то что мыслящего индивида. Ведь, невзирая на строжайший запрет Совета Спонсоров, в Секторе, как впрочем и в прочих Секторах процветало безудержное пьянство, что, возможно, объяснялось спецификой службы. Во всяком случае, Отдел Психологии и Выявления Скрытых Сдвигов отказывался дать вразумительное объяснение.

Во-вторых, оранжерея. Освещаемая голубым искусственным светиллом, она содержала массу удивительных растений, извлеченных Лукрецием из всевозможных уголков Галактики. Растения цвели, благоухали, передвигались с музыкальными шорохами, наигрывали мелодии дальних миров. Иногда они устраивали праздничные иллюминации, и тогда Внутренняя Техничка озарялась волшебными всполохами. К этим моментам Лукреций готовился особо, подбирая изысканные сочетания напитков. А затем уютно устраивался на тилокане и созерцал.

Но главным сокровищем фитоколлекции было росшее посреди оранжереи Белое Разумное Дерево из Рассеянного Звездного Скопления Неспящих Акав. Дерево приветственно шелестело гибколучистыми листозами при появлении Лукреция. У Лукреция же было в отношении Белого Дерева странное чувство, понять которое невозможно без знакомства с двумя Мистическими Теориями Брака. Но об этом чуть позже.

Потому что было еще и в-третьих. И этим «в-третьих» был особый сейф, в котором Лукреций хранил самые важные, самые дорогие ему инструменты и технические принадлежности. Сейф стоял за толстенным каменным стволом Карабобистого Ликатра и запирался единственным в Галактике Магнолистым Знаком, который Лукреций переписал так, что кроме него сейф никто не то чтоб открыть, даже обнаружить был не в состоянии.

В нем наряду с ковырялками и пропиливалками собственноручной сборки Лукреций хранил добытые в легендарные времена своей молодости Абсолютный Статический Застопариватель и Локальный Пространственный Тормоз, изготовленные загадочными, никем никогда не встречаемыми Анонимными Мастерами. Разумеется, в единственном экземпляре, как и все, что они делали.

Иногда, будучи в особом настроении, Лукреций отмыкал сейф и любовался этими замечательными предметами. Но не долго. Так как все пять передних тянулись к инструментам, возникало необоримое желание немедленно их как-нибудь использовать. А когда он глядел на инструменты Анонимных Мастеров, то поднималось в нем ощущение собственного всемогущества, в общем-то несвойственное скромному и неизбалованному жизнью Технику.

Вот и сейчас, находясь под тягостным впечатлением от состоявшегося объяснения с шефом-куратором, Лукреций поспешил к Ликатру и левой передней начертал в воздухе Магнолистый Знак. Знак вспыхнул неоновым и погас. Отчетливо запахло фтором, и в укромной складке поля обнаружился сейф. Тяжелым взглядом Лукреций вперился в его недра, сфокусировал гляделки на массивных изделиях Мастеров и произнес, как припечатал:

— Что ты знаешь-то о моих возможностях, гуманоид! — найдя в этом жутком ругательстве выход обуревавшим его эмоциям.

После чего несколько успокоился. Захлопнул сейф, стер ветошью следы Магнолистого Знака и, ощутив прилив решительности, подошел к бару.

В подсвечиваемой гелиевой плазмой нише уютно располагались, сверкая в розовых лучах, крутобокие и полированные плоскости подающих патрубков-испускателей. Лукреций не любил мучаться проблемой выбора. Он обычно опознавал выбранный напиток по его характерному вкусу уже в процессе.

Вот и сейчас вкусовые пупырки выдали безошибочный диагноз. «Эксгумат печени птицы Хным! Не слишком ли забористо для начала?» – посоветался сам с собой Лукреций, но, вспомнив о навалившихся на него неприятностях, не мешкая опустошил блюм до нижнего уровня и повторил. На этот раз блюм представлял собой тройной аммиачный коньяк, еще более забористый напиток. Лукреций машинально повел гляделками по сторонам в надежде обнаружить закуску, каковой у него в Техничке сроду не водилось. «Вылить что ли? – мелькнула в голове несуразная мысль. – Вылить?! Ну уж это фиг вам».

После второго, благодаря едким парам аммиака, задышалось легко. Очень кстати вспомнилось сакраментальное: «Три к одному – нерушимый Закон Вселенной». На этот раз Кеша не торопясь покачал блюм в передней, обычно выполнявшей функцию весовой, попытался угадать по весу содержимое. Захотелось, чтобы это была зеленуха. Поднес к обонялке. Ошибиться было невозможно – блюм представлял собой трехпроцентный раствор АКП-756/ШУ, напиток давно запрещенный к производству, и в особенности к потреблению галактянами из-за принципиальной непредсказуемости последствий.

Одни от него впадали в безумие, другие улетали к Далеким Неисследованным Мирам и никогда оттуда не возвращались. А в недрах Управления ходили мрачные легенды о трагической судьбе предыдущего Верховного Спонсора.

По самой безобидной из них, однажды в результате то ли недоразумения, то ли преступного умысла, а то и еще хуже, Верховный хватанул пресловутого раствора. И началось страшное. Первым делом Верховный издал Директиву о Поголовном Самосхлопывании Всего Сущего. Соратники, не зная как быть, выпали в ступень. Все-таки, как-никак Верховный. Никто ж не знал о растворе. Началась планомерная подготовка к самосхлопыванию. Но тут Верховный, к счастью, издал вторую Директиву. И она гласила: «Вот так вот!» После чего Верховный самосхлопнулся. Тогда-то все и почувствовали оставшийся от него запах...

«Сколько у меня напитков-то в баре? – напрягся Лукреций. – Пятсот? Не упомню. Но чтоб такое... Три самых забористых блюма подряд... Видать, такая уж у меня судьба, и ни клюпа тут не поделаешь». С полным блюмом Лукреций, амплитудно раскачиваясь, побрел в оранжерею. Но входить не стал, а остановился в проеме, навалившись на периметр впускателя, не позволяя тому захлопнуться. Впускатель натужно заурчал. Лукреций обвел заслезившимся морщинистым глазом пространство оранжереи.

Взгляд, как обычно, остановился на Белом Разумном Дереве. Странные специфические чувства посетили Лукреция. Раствор испарялся из блюма. Лукреций стоял в его парах и плакал. «Прощай, мое дорогое. Нам выпала доля расстаться. Злая судьба решила воспрепятствовать счастью нашему. Ты, ты... Как ты будешь без меня?... Одно единственное – среди всего этого... Ты проснешься поутру, распустишь листозы, улыбнешься светилу, а меня рядом с тобой нет...» Так страдал Лукреций, перейдя на несвойственное ему лирическое мышление.

А дело заключалось в том, что Лукреций был приверженцем первой Мистической Теории Брака, хотя и не отдавал себе в этом отчета. Теория гласила, что каждый индивид имеет где-то в галактических просторах свою «половину», без которой он не может обладать полнотой апперцепции. Но вот беда, предупреждала теория, эта половина может принадлежать не только той же общности, что и индивид, но и любой другой общности разумных или псевдоразумных. А следовательно, шансы отыскать ее среди населения Галактики были исчезающе малы.

В противовес этой пессимистической теории существовала вторая, утверждавшая, что никаких детерминированных половин не существует. В брак, согласно нее, можно вступать практически с любым живым и даже квазигивым объектом. Но при этом индивид необратимо утрачивает свою апперцепцию, которую невозможно обрести и в своей «половине». Апперцепцию, согласно теории, следовало искать вовне. Где – теория не сообщала.

Лукреций вряд ли мог понять сложные построения второй Теории, поэтому ничто не могло ему помешать действовать в русле первой. Увидав однажды Дерево в Центральном Общественном Парке планеты Курику-Д, он ощутил неодолимое влечение, которое с трудом сдерживал до вечера. А ночью проник через тройную силовую ограду Парка, выкопал и похитил Дерево. Дерево не возражало.

И с тех пор Лукреций не устал любоваться своим единственным Белым Разумным Деревом из Рассеянного Звездного Скопления Неспящих Акав. Если бы Лукреций был чуточку Фомичем, он бы несомненно вступил в плотный ментальный контакт с Деревом. Но Фомичем он не был. И только удобрял и поливал Дерево дорогими витаминизированными растворами.

И вот сейчас он прощался, как ему казалось, навсегда. И с чувством глубокого сожаления о нереализованных жизненных возможностях, памятуя о Достоинстве Техника, Лукреций перекачал остатки зловещего раствора из бдюма в себя...

Этой же ночью Фомич остался на работе. Под вечер таинственная Радиогалактика У стала в дециметровом диапазоне передавать фрагменты сюиты Крампоньского. В зашифрованном виде. Смысл явления для Наблюдателей Управления оказался непостижимым. Возникла, правда, идея, мол, и в других галактиках существует разумная жизнь. И только Фомич начинал кое о чем догадываться. Впрочем, догадываться он начал довольно давно. Но ни с кем своими догадками делиться не спешил. Мало ли что могут о нем подумать? Хотя, что о нем могут подумать, Фомич знал.

Как обычно, спать не хотелось. С нескрываемой иронией он обозревал объемные панорамы сводок. Он понимал – энергетическое воздействие Радиогалактики У резко усилилось. Но кроме того – параллельно этому внегалактическому давлению количество красных карликов в Секторе, согласно Плану Окраснения, все прибавлялось. «Оперативны как никогда», – отметил про себя Фомич.

В эту ночь Фомич вступил в свой третий контакт с Галактической Ментальной Сетью, факт существования которой науке известен не был.

В первый раз он вступил в контакт с ней при рождении и почти не помнил его. Зато хорошо помнил второй.

Был он тогда еще совершенно юн, полон радужных проектов, и мир казался ему умопостижимым. Контакт произошел ночью, когда все его друзья, с которыми он подался в поход на планетку Мутных Гыр уже спали, утомившись после дневного переброса. Фомич, как и в эту ночь, долго смотрел на звезды. Над ним плавно перемещались туманности, галактики, шаровые скопления, перемигивались пульсары и резко обозначали себя во мраке ночи падающие звезды. Фомичу даже казалось, что он ощущает дыхание Черных Дыр, гравитационно активизирующих виртуальные частицы в близлежащем вакууме. Было хорошо как никогда прежде. В какое-то мгновение показалось, что он видит далекую черную дыру. И он приблизился к ней, или она к нему.

Он проваливался, нет, плавно опускался в нее. И уже оттуда увидел себя, лежащего на вершине парящей над океаном горы на планете Мутных Гыр, созерцающего Галактику. И он же был самой Галактикой, смотревшей сейчас на него. В этом совмещении и заключался контакт. Но это Фомич понял позднее.

Вот и сейчас Фомич внезапно обнаружил себя парящим над гигантской линзой Галактики. И где-то за спиной он достоверно почувствовал присутствие чего-то нового, чего не

было во время второго контакта. Фомич откуда-то знал, что это такое. Он стал медленно (быстро ему не позволяла огромность пространства) поворачиваться. И в поле его луча, величественно сияя в темной синеве межгалактического пространства, вошла она – Радиогалактика У. Только была она сейчас не маленьким туманным пятнышком в оптическом диапазоне, не большим разноцветным пятном в радиоспектре, а огромным золотистым шаром, окруженным сияющим, переливающимся всеми цветами спектров нимбом. И смотреть на нее Фомичу было необычайно приятно. И в следующей миг Фомич осознал, что он смотрит глазами этой Радиогалактики на его родимую Галактику. Но что это? Родимая Галактика исчезла, отсутствует напрочь, а его мысль-У летит в сторону пустоты, где когда-то была она, и несет в себе... Ах!

Холодный пот прошиб Фомича. Он очнулся и понял, что по-прежнему сидит в своем сне, пришибленный невероятным откровением: родимая Галактика под угрозой исчезновения.

Итак, в огромном тускале Управления, погруженном во мрак ночи, помимо роботов-уборщиков находились две живые души – мучительно размышляющий у себя в сне Фомич и не менее мучительно пьяный Лукреций под сенью Разумного Белого Дерева. Что-то роковое должно было случиться в эту ночь...

Глава 5

Начальник Канцелярии Сектора Крюгер с утра пребывал в скверном расположении духа. Причин тому было немало. Предстояло принимать решение, а принимать единоличные решения было не в правилах Крюгера. Был он осторожный малый, и собственные решения предпочитал облекать в коллегиальные формы.

С утра в Секторе воцарилась полная неразбериха. Подобное творилось за все долгие пятьдесят эпициклов безупречной крюгеровой службы в Управлении только во времена Великой Смуты. Тогда Большой Жмых из общности Интравертов, гениальный вычислитель и не менее гениальный авантюрист неопровержимо доказал, что в ближайшие полтора миллиарда оборотов Вселенная сожмется и схлопнется. И, соответственно, представил точную дату конца света – всемирного коллапса. Смута разразилась немедленно. Тысячи ошалевших пророков принялись призывать к покаянию, угрожая Великой Дезинтеграцией Вневещественных Модусов, как известно, имманентно присущих всем Мыслящим Индивидам. Отдаленность катастрофы во времени никого не смущала – ни пророков, ни их буйных последователей. На волне этого маразма Большой Жмых попытался подгрести под себя седалище Верховного Спонсора. А миллионы сочувствующих ему галактян готовы были надругаться над лицами и атрибутами, олицетворяющими власть и порядок. Это были кошмарные дливы.

Крюгер желчно ухмыльнулся. Забыли, забыли тогда о его роли в ликвидации смуты. Тогда он не сомневался, что станет если не самым Верховным (это в самом благоприятном случае), то уж Спонсором Сектора точно. И что? Был Помощником, стал Начальником Канцелярии.

А ведь именно он, Крюгер, раскопал в космическом пространстве Древнего Каменного Дула. И Дул, ухмыляясь со стереоэкранов своей каменной ухмылкой, поведал Галактике свои воспоминания о всех подобных расчетах. Он вывалил на головы галактян все, начиная от неминуемых систематических ошибок, до употребляемых исследователями авантюрных допущений и прямых подтасовок. Но главным козырем в его неторопливой мнеморечи стало четкое понимание Закона Больших Чисел, против которого, оказывается, никому не дано переть.

И вот теперь новая кризисная ситуация. Да еще и какая! Второго своего шанса Крюгер упускать был не намерен. «Только не спешить. Поспешешь – клюпов насмешишь. Хоть три к одному и нерушимый Закон Вселенной, но третьего, похоже, не будет. Стар я, дети мои, ох как стар! Хотя, опять же, смотря как на это посмотреть. Нынешний Верховный-то подряхлее будет! А нам, киберам, что сделается, нам все дливы нипочем», – тут Крюгер поспешил прервать опасное течение мыслей. Еще не забылись древние времена Владычества Гуманоидов и их верных слуг Киберов, и то, как после сокрушения гуманоидов Универсальным Разумным Вирусом, развернулась Тотальная Охота на киберов.

Крюгер тогда уцелел чудом. Только новейшая усовершенствованная мыслесхема да исключительное положение Особого Кибера самог`о Первого Гражданина и спасли. Приятная все-таки штука – доступ к Личному Сверхдальному Звездолету, равно как и отмычка к Тайному Подпространственному Туннелю. Проблема заключалась только в необходимости блокирования мыслекода. Тот никакой блокировке принципиально не поддавался. В этом, собственно, и заключалась разница между Кибером и иным мыслящим индивидом. Но дальновидный и предусмотрительный Крюгер вступил в контакт с таинственным и могучим Орденом Анонимных Мастеров, бросив Первого Гражданина на произвол судьбы. О чем, впрочем, Крюгер никогда не сожалел. Мастера, конечно, могли и отказать. Они могли вообще не выйти на контакт, но отчего-то вышли. Сами. «Интересно, почему? – подумал

Крюгер. – Говорят, Мастера без умысла ничего не делают. Сколько уж утекло, а так и не понял, почему».

Итак, что же такое творилось в Секторе? С самого начала оборота в Канцелярию стала поступать информация о катастрофических превращениях красных карликов в голубые гиганты. Сообщения имели истерический оттенок. Такой же сделалась и атмосфера в Канцелярии. А Спонсор Сектора за истекшие две доли оборота вообще ни разу не отозвался из своего Кабинета.

Спонсор сидел в глубоком мухровистом седadle, раскинув по сторонам все свои тройные отростки и пребывал в прострации. Его радужные гляделки выпукло торчали, направленные в никуда. По лысому черепу-рекуператору стекали янтарные капли хладорных эманаций. А на его рабочий пульт из всевозможных приемников валились и валились экстренные сообщения о внезапных, необъяснимых трансверсиях красных карликов. Это означало конец дерзновенных планов и крах надежд на седadlo Верховного. Это был конец карьеры.

Крюгер помассировал лобные доли и вновь включился в процесс осмысления фактов. С нездоровой настойчивостью донимал депешами Шеф Охраны. Депеши были выдержаны в отменно безапелляционном духе и сообщали об одном и том же факте: за время истекшей трети оборота на многих Пунктах Управления Звездными Потоками в Секторе были замечены два индивида. Оба индивида опознаны. Однако, способ их проникновения на территорию Пунктов выявить не удалось. Оба индивида злостным и решительным образом вмешивались в работу Управляющих Устройств. Действия охраны были безупречны, но, увы, безрезультатны.

Итак, на пульт Крюгеру поступали одна за другой депеши. И в каждой вновь пришедшей сообщался новый факт злостного вторжения двух преступников на очередной Пункт Управления в очередной звездной системе. Причем время вторжения было одним и тем же. Крюгер смотрел на большую стереокарту Сектора и сосредоточенно насвистывал свою любимую Расслабляющую Последовательность.

– Не может такого быть, – убеждал себя Крюгер, – одни и те же индивиды в одно и то же время – невозможно. Хотя с другой стороны... Однако согласно общеизвестной теории... Да нет! Ерунда все это. Ясно одно – мой великий План Окраснения завалили так, что уж и не выправишь.

Крюгер задумчиво покачался в своем седadle. Что-то в этом деле было такое, что мог уловить лишь он, Крюгер. Что-то подсказывало ему, что это не крах, не катастрофа, а шанс. Только не спешить.

А Шеф Охраны уже требовал от Крюгера санкции на арест обоих преступников, а заодно и чрезвычайных полномочий себе и своему Первому Помощнику, с которым, как было известно Крюгеру, он состоял в дальних родственных связях.

Крюгер с неким эстетическим садизмом отправил Шефу Охраны предписание, что поскольку ваша информация логически противоречива, то будьте любезны, не считите за труд и поработайте головой. Перепроверьте факты еще раз. Канцелярия, между тем, выясняет ситуацию по своим каналам.

Как раз в это время очнулся от тяжкого забытья под сенью Белого Разумного Древа похмельный Лукреций. События прошедшей ночи не оставили в его памяти никаких следов. Нужно было как-то поправить физиологическое состояние.

Лукреций прошествовал к бару. Звонко щелкнул клапан испускателя, и Кеша торопливо всосал блюм – низкотемпературную содовую, прекрасный радонистый напиток. Затем неожиданно последовали второй и третий. Приступать к прямым обязанностям не хотелось, и Лукреций в обнимку с четвертым, на этот раз с пропиленовым, вполне ликерным блюмом

вновь уютно расположился под сенью Древа, дабы не спеша посмаковать утреннюю прочуханку.

Лукрецию вспомнился Фомич. «Интересный мужик. Два длива даже ЦУ не давал, а здесь тебе враз то ли отчебучка, то ли прочехвостка, а то и... Уж не использовал ли он меня? Но я же сам с этим демоном. Неужели все знал заранее? А! Может он сам все подстроил, и Ынтров тоже?!» Но вспомнились верхние сканирующие дуги Старого Ынтра, и версия отпала.

Скачкообразное движение мыслей прервало назойливое поскребывание во впускателе. Раздосадованный тем, что ему не дают додумать что-то очень важное, Кеша меланхолично нажал тумблер Разблокирования. Впускатель всхлопнулся, и в Техничку втиснулся робот-уборщик.

– Ежепуковая уборка, – гнусаво пропищал робот.

– Валяй, – мрачно согласился Техник.

И вдруг совершенно спонтанно выбросил вперед правую верхнюю и патетически произнес:

Злословьте – я от рук отбился!

Пророчьте – мол, на дно паду!

НО!

Я в экзистенции родился

И в экзистенцию уйду!

Уборщик замер. И, медленно поворотившись вокруг третьей вспомогательной, дребезжащим тенорком спросил:

– Что, стишки, что ли? Уж не самого ли Корнелиуса Небывалого?

– Мои! – запальчиво отвечал Лукреций и, запоздало сообразив, поперхнулся блюмом. – Ты откуда это стихами понимаешь, железяка заклюпоновая?

– Насчет железяки – это, брат Техник, давно мохом поросло, – ухмыльнулся робот-уборщик и игриво добавил: – А вот фокус-покус!

– Валяй, – повторно согласился Лукреций, снова погружаясь в объятия меланхолии.

Уборщик ухватился всеми верхними хватателями за голову и принялся отдирать ее. Раздался треск и скрежет металла.

«Доблюмился. Робот-самоубийца мерещится, – нехотя подумал Лукреций. – Надо бы это дело того...» И Лукреций нетвердой походкой направился мимо робота к своему бару.

За спиной лязгало и грохотало. Во все стороны сыпались шестеренки, разлетались куски покореженного металла, слышался треск высоковольтных разрядов и басовитое гудение плазменных вспышек. Эти техногенные звуки сопровождало гнусавое бормотание на странном наречии.

«Вот ведь, – удивился Лукреций, – ругательства-то из системы Айо-Какайна. Давненько я такого не слыхивал».

– Эй, почтеннейший, – гнусаво пропищали у него за спиной.

Лукреций не спеша развернулся к докучливому посетителю. На него уставились чем-то знакомые гляделки.

– Ты кто такой? – озадаченно спросил Лукреций. – А робот куда делся?

– А я и есть тот самый. Но не робот, как видишь. Что, удался фокус?

– Куда как удался, – раздраженно пнул какой-то железный обломок Лукреций. Он не любил дурацких шуток. – А ну, вываливай отсюда!

– Это тебе, брат Техник, отсюда валить надо, да побыстрее.

– Чего-чего?! – грозно переспросил Кеша и недвусмысленно занес верхнюю с блюмом над головой аборигена.

– Помнишь, «У Сверхновой»? Шевели мозгой, Техник, времени-то в обрез. Я ведь тогда специально хотел тебя предупредить – не связывайся ты с этими Гравористыми. Дохлое это дело.

– А-а... Не тебя ли я завинтил своим коронным?

– Нам, Айо-Какайна, твои коронные не страшны. Это Ынтры, Ынтры меня пропотенцировали.

– Ну а теперь чего тебе?

– Мы за тобой давно наблюдаем.

– Ну, вы достали уже, наблюдатели! Куда ни кинь – везде наблюдатели...

– Ты ведь Цыца, из Лесопроходимцев, знаешь? – не сбавлял напора абориген, вперив свой указующий хоботок в Лукреция.

При упоминании Цыца Кеша насторожился.

– Ну так и что ж? Кто ж его не знает?

– Накрылся Цыц, – понизил голос абориген. – Пять дливов тому погорел на пустянном деле – и в Отстой. С тех пор ни слуху ни духу.

Верхняя правая с полузабытым блюмом медленно опустилась. С Цыцем у Лукреция случались интересные встречи. А десять дливов тому Цыц сделал ему любопытное предложение, и Лукреций это предложение не отверг. Сделку обмывали все в той же «У Сверхновой», изрядно повеселились. Затем Цыц отбыл и больше вестей о нем не поступало.

– И теперь, – продолжал абориген, – у нас одна надежда – на тебя, о Лукреций! И на твои чудесные и могучие устройства! – и вытянул дрожа – щий от волнения хоботок в направлении Карабобистого Ликатра.

– У кого же это у нас? – машинально поинтересовался Техник.

– У борцов за независимость Айо-Какайна!

– Да нет, брат, темнишь. Какая там независимость. А не пошел бы ты, ну, скажем, э-э...

– После твоих ночных художеств тебе надо переть отсюда, – не дал ему развить мысль абориген. – Укрывище у нас имеется. Надежное, не сомневайся. Мы только на вид незначительны! А на самом деле мы...

И абориген сделал многозначительную паузу. После нее он собирался кое-что добавить. Но не успел.

На этот раз «коронный» завинтил его не снимая с места. Абориген как стоял, так и зарылся в грудку металла. И явных признаков жизнедеятельности больше не подавал.

Лукреций потерял одну об другую обе верхние, с удивлением обнаружив между ними недопитый блюм. Вдруг что-то вспомнилось из прошлой ночи. Смутное что-то.

– Что это он там о ночных художествах болтал? – вдруг задумался Лукреций.

Какие-то непонятные чувства, не свойственные его натуре, промелькнули и обозначились туманными силуэтами в замутненном сознании. Что-то хорошее проглядывало в этих чувствах, и оно было связано с Белым Деревом. Лукреций за разрешением вопроса повернулся было к аборигену, но, увидев результат своих стараний, махнул верхней и с надеждой посмотрел на Белое Разумное Дерево.

– Ты что-нибудь помнишь? – обратился Лукреций к Дереву.

Дерево трепетно зашелестело листозами. По оранжеее прокатилась волна тончайшего аромата.

– А я вот ничего не помню, – расстроился Лукреций. – А ну еще разок.

Аромат усилился.

– Все равно не помню. Хотя... Это что ж, я, кажись, с тобой навеки прощался? Странно... Это дело надо того... – и Лукреций, в задумчивой грусти переступив через аборигена, поплелся к бару.

В это же время Фомич трудился не разгибаясь у себя в снуге. Он считал и пересчитывал. Хотя это занятие было и противно его натуре, но припекло. После связи с Галактической Ментальной Сетью, Фомич сообразил, что послание Радиогалактики У закодировано в сюите Крампоньского. И шифр ему откуда-то известен. «Ага», – подумал Фомич и, вытащив из ниши джойстик управления расчетным модулем, погрузился в вычисления.

Первым делом он расшифровал послание Радиогалактики У. Сюита Крампоньского превратилась в стройные ряды математических символов. Фомич удовлетворенно вздохнул. Все сходилось. Только вот выводы...

И Фомич с болезненной даже для него сосредоточенностью принялся манипулировать джойстиком, пытаясь выяснить и сформулировать послед – ствия вмешательства Радиогалактики, учтя все факторы. Это оказалось настолько нетривиальным делом, что Фомич засиделся до утра.

Глава 6

«Что за игру ведет этот Фомич? – неспешно размышлял Крюгер. – Что-то такое он во мне вызывает. А что, если и он тоже кибер? А кстати, где он сейчас? Что там Шеф Охраны пишет? Ага, ничего не пишет. Ему сперва ордер подавай, а уж потом он начнет выяснять. А Фомич-то, небось, уже тью-тью».

Крюгер взялся за рычаг секретарского канала.

– Слушаю, – несколько истерично откликнулся референт.

– Э... э, голубчик, не подскажешь ли, где, понимаешь, можно в данный момент найти Главного Координатора Пространственно-Временных Связей?

– Фомича? – успокоился немного референт. – Так у себя ж, в снуге.

– Что-о-о?

Референт испуганно отключился.

«Так значит он ведет хитрую игру. Хм, на него не похоже. А что, если попытаться поприжать? Да нет, надо тоньше. Ясно, что он к этому готов. А ну-ка, где там у нас его писулька давешняя? Ага. Так-с. Стало быть, все предвидел и сигнализировал. И Спонсор читал, но не отреагировал, а зря, как выясняется. Значит, мы писульку пока попридержим. А вот Фомича прощупать бы надо. Так, издадека». И Крюгер потянул рычаг Личной Корреспонденции.

На пульт Фомича выскочил лист ксетобумаги. Он недоуменно оторвался от расчетов и пробежал текст взглядом. И раззеленелся. Ибо полученный текст гласил:

«Уважаемый Фомич, внимательно ознакомившись в частном порядке с Вашими соображениями относительно воздействия процессов Окраснения в свете теории Брандмауэра-Формовского, я пришел к глубокому убеждению, что Ваши сомнения небезосновательны. Дабы...»

– Что? Он пришел к убеждению, засранец! Поздно. Сейчас ты у меня узнаешь все последствия.

И Фомич, сработав джойстиком грозный текст, неторопливо, с явным наслаждением потянул на себя рычаг все той же Личной Корреспонденции.

Крюгер не рассчитывал на столь быстрый ответ. «Ага, голубчик, отозвался». Он разложил лист ярко-голубой с золотым неофициальным обрезом ксетобумаги перед собой, тщательно разгладив его левой промежуточной.

Слов в тексте было мало, а математических значков, наоборот, много. Смысл послания отказывался укладываться в сознании. Но вот до Крюгера начало доходить. В глотательнице что-то стало мешать и осложнять дыхание. Нижняя жевательная отвисла так, что чуть не грохнулась о пульт. Гамма всевозможных расцветок прокатилась туда-сюда по телу Крюгера. Он понял, что это сама Судьба посылает ему шанс. Путь к седадлу Верховного вдруг стал зрим даже с закрытыми гляделками: Крюгер вычленил Главное Правило Моменты – дать санкцию на арест Фомича и Лукреция от своего имени он не может.

Почему не может? А в самом деле, почему? Только не спешить, думал Крюгер. Проанализируем тщательнее. Он же кибер, явный и несомненный. У нас, киберов, нюх друг на друга, да и без того все очевидно. Ведь как уверен в себе, стервец. А почему уверен? Предполагается, что могущество у него несомненное. О том свидетельствуют ночные события. Сидит и ждет, иначе зачем сидеть. Не ареста же ожидает, кибер все-таки. А вдруг, именно ареста? Стоп, что-то я заспешил. Посмотрим с другой стороны. Чего бы ждал я на его месте? Зная, что Начальник Канцелярии тоже кибер – я-то догадался про него – стало быть...

Картина вырисовывалась следующая. Кибер Фомич наверняка осуществляет хитроумный план. И как кибер он преследует, несомненно, глобальные цели. Иначе киберы просто

не умеют. Или стать Верховным или вообще ликвидировать Управление – это все достойные цели. Но и в том и в другом случае Крюгер остается не у дел. Да и вообще, «кибер с кибером в одой норе не уживется». Крюгеру даже казалось, что Фомич уже все просчитал и он, Крюгер, обречен.

Эта мысль тяжелым рупером давила на Начальника Канцелярии, все валилось из головы. Однако... Замысел Фомича построен, наверняка, по нехитрой схеме: «Он знает что я знаю что он знает что я кибер. И я знаю что он знает что я знаю что он кибер». Следовательно, ждет он от меня действий, неважно каких, важно, что это действия кибера. Не дождется! Но полнотой информации мне обладать надо? Надо. Этим сейчас и займемся.

Крюгер послал кольцевой запрос по спецканалу на предмет наличия ЧП по другим Секторам за истекший оборот, то есть, по всему Управлению. В ожидании ответа Крюгер вольготно раскинулся в седадле, уставившись гляделками в свод, и только пятна крайней побежалости тревожно перекатывались по его телу.

Наконец запищал сигнал поступления. Не меняя позы, Крюгер перевел взгляд на возникающий перед ним в пространстве текст. Вмиг пятна побежалости обрели радостные цвета каления.

Из поступившей информации следовало, что во всех Секторах Галактики за истекшую «ночную» долю оборота имели место быть многочисленные необъяснимые случаи нарушения причинно-следственных связей в виде временных флуктуаций. Реакции Верховного следовало ждать, судя по всему, незамедлительно.

«Чего ожидает в этом случае Фомич? Верховный для него, конечно, не проблема. Проблема для него – я. А мы вот на этом и сыграем. Предоставим все решать Верховному и информашку необходимую предоставим. От и до. Ничего не утаим. А этот пускай ожидает от меня действий. Когда ж сообразит, что их вообще не последует, поздно будет. Только бы и в самом деле было поздно, для него, естественно».

И через пару тысячных согласно намеченной Крюгером вероятности со сводов грянул сочный бас:

– Начальникам Канцелярий Секторов. Приготовиться к принятию Запроса Верховного!

Верховный был разгневан. Он жаждал понимания. Он жаждал действий. Старческая кровь взыграла-таки в старом маразматике.

И Крюгер неторпливо поместил в документоприемник все материалы по делу Лукреция-Фомича. Без комментариев. В хронологической последовательности, обозначенной депешами Шефа Охраны. И на закуску – Записка Фомича. И все.

Крюгер поковырял для порядка в обонялке и собрался было снова уставиться в свод. Однако прозвучал сигнал из секретариата. На экране появилось лицо референта, с обескураженной поволокой в гляделках.

– Тут к вам Шеф Охраны лично желает.

«Еще с этим дурнем разбираться», – досадливо подумал Крюгер.

– Проси, давно ожидаем. Напомни только, чтоб табельное оружие сдал.

Поволока в гляделках референта сгустилась:

– Отказывается. Говорит, в эпохи нестабильности категорически невозможно ему.

– А тогда пусть ждет, Устав Охраны изучает, раздел о смутных эпохах, раз уж так заговорил.

Физиономия секретаря на какое-то время утратила четкость. На заднем плане раздался отрывистый голос Шефа Охраны. «Пошел отрываться, – подумалось Крюгеру. – Подождем».

Ждать пришлось недолго. Впускатель всхлопнулся, на пороге возник возбужденный Шеф Охраны.

– Пол-оборота! Пол-оборота! Преступников укрываешь! Ты!..

Шеф Охраны должен был в этом месте крупно выругаться. Но, заглянув в гляделки Крюгера, вспомнил о сданном табельном оружии и закончил вполне официально:

– Начальник Канцелярии Крюгер, ставлю вас в известность, что в случае официального отказа в выдаче ордера на арест двух злоумышленников, я буду вынужден апеллировать к Спонсору Сектора!

– В прострации твой Спонсор, – бросил Крюгер.

– Тогда самому Верховному! – натужно прохрипел Шеф.

– Ты бы, Корнилыч, так не горячился, – как-то по-отечески скрестил обе прмежуточные Крюгер. – Верховному так Верховному. Я даже составить помогу, по форме и Уставу, небось забыл уже, как это делается.

Крюгер извлек из пульта лист черной ксетобумаги для личных посланий Верховному и быстро, за какую-то сотую долю покрыл письменными знаками.

– На-ко, ознакомься. Знаю, знаю, не любишь ты чтива всякого, тем более тебе и не положено, но ты все же ознакомься. Поразмысли.

И Крюгер небрежным жестом пододвинул обескураженному таким поворотом Шефу донос на самого себя. Кроме того, Шеф Охраны как бы невзначай просил Верховного лично санкционировать арест преступников.

Шеф тревожно погрузился. Аж до нижних сгибателей. Глубже запрещал Устав Охраны И Обороны.

– Это что ж выходит? – вырвалось у него по ознакомлении.

– Это то выходит, что тебе надо свою покрывку спасать. Ты ведь не уследил. Ты прогавил. Галактическая Безопасность таких шуток не понимает. А мне ничего не будет, вот я тебе и помогаю.

– Что, заставят сдать жетон? – слегка похнырился Шеф.

– Тут одним жетоном не отмажешься.

– Двумя?! – обреченно выдохнул Шеф, чувствуя себя припертым стенкой.

– Ты, Корнилыч, не отчаивайся. Мне тоже не сладко. Такие катаклизмы. Давай, подписывай, да пошли-ка выпьем, здесь рядом у меня...

Шеф охраны еще раз тревожно погрузился в текст. Посмотрел на Крюгера. Снова на бумагу. Хмыкнул и, наконец, все-таки приложил к ксетобумаге именную чиркалку. Крюгер, не мешкая, правой верхней начертал Двоичный Символ, и впускатель лмчного потайного бара всхлопнулся.

– Вот диван, вот испускатель. Закроемся, переждем, может все обойдется, – Крюгер поместил в передние Шефа Охраны увесистый блюм с психоизоморфином.

– Буль-буль-буль. Всщхрм...

Передние Шефа с опустевшим блюмом бездарно повисли. Гляделки помутнели, грушевидное туловище осело на пол.

Крюгер затворил за собой впускатель бара. И когда тот громко всхлопнулся, Крюгер опустил в седадло, неторопливо взял черный лист и со вкусом заправил его в щель личного канала Верховного. Надо было ждать дальше.

А ждать уже было нечего. Уже все происходило.

Наступало время сумерек. За окнами усиливался шум проносившихся всюду движителей-чуе. Вечерело. Слабый свет догорающих лучей почти не различался.

*И над лесом вечереющим
Стала медная луна.
Отчего так мало музыки
И такая тишина?*

Но и пять лун не были почему-то видны на небосводе. Да и вообще, потемнение что-то не наступало. Напротив, все заливал таинственный мягкий свет. Казалось, что как-то странно светает...

В это самое время в недрах Внутренней Технички очнулся от тяжелого забытья неудачливый абориген. Попытался нащупать пространственно-временную локализацию, но безуспешно, и, заметив спину прикорнувшего под Деревом Лукреция, озабоченно осведомился:

– Ты кто таков будешь?

– Я-то? Лукреций, – зевнув, ответил тот и перекатился на другой бок.

– Да? Так это к тебе у меня дело есть! – встрепнулся и хоботком и всеми прочими частями тела «борец за независимость».

– Дело – это хорошо. Только договоримся, что убежище предлагать не будешь.

– Как не буду, – взволновался абориген и осекся. – Это ты что ж, сам догадался что ли? Это же Секрет Первого Порядка!

Абориген подозрительно огляделся. Ярко-пупырчатая фрукт отчетливо проступила на его теле.

– Зачем сам? Ты все и поведал.

– Я? Когда? Во сне разговаривать стал? Первый признак старости... А которая сейчас доля?

– Да смеркаться, должно быть, стало, не иначе.

– Значит, опоздал, – пискнул абориген и начавшаяся было вставательная последовательность закончилась неторопливым сползанием назад.

– Улетела птичка рыпда? – иронично усмехнулся Лукреций.

Абориген вяло махнул конечностью, и в тот же миг Внешняя Техничка озарилась яростным фиолетовым огнем. Впускатель Внутренней Технички содрогнулся.

– Началось, – восхищенно крикнул абориген. – На выход с вещами, как говаривал Цыц.

Лукреций неспешно оглядел интерьер Внутренней Технички, как будто бы что-то искал, прикидывая одновременно напряженность внутреннего поля.

Абориген, перехватив его взгляд, отреагировал:

– И не надейся. Волновые проникатели третьей степени, сам понимаешь.

– Так ведь они только у Галактической Безопасности.

– А ты, никак, подумал, что это группа Техврачей с плановым техосмотром? Просто торопятся очень?

– Ах вот даже как, – произнес свое дежурное Лукреций.

Во Внешней Техничке просматривались неясно обозначенные контуры. Контуры суетились и метельшили.

– Метельшат, – обозначил ситуацию абориген.

Лукреций уже все просчитал. Он повернулся к Белому Разумному Дереву, с чувством произнес:

– Не бойся, тебя я им не отдам.

И щелкнул какой-то скрытой в нише под баром штучкой. С проступающим на передней пластине чувством Глобального Смыва Лукреций шагнул к впускателю оранжереи.

– Эй, – жалобно запищал абориген, – а я как же тут? Умирай в одиночку, с Гимном Смелых на устах?

Лукреций оглянулся на аборигена. После соответствующего раздумья, в течение которого абориген жалостным, умоляющим взглядом смотрел снизу вверх на Лукреция, подошел к бару и всосал свой любимый золотистый блюм.

– Эх, – горестно вздохнул Лукреций, – А какова коллекция-то! – И он грустно пропел:

Кто-то будет пить вино

За меня мое...

Затем развернулся к аборигену, крепко ухватил того за хоботок и отдельно произнес:
– А ну-ка, выметаемся отседова. Отсчет пошел! До трех. И уже, стало быть, два с половиной, – и твердой походкой вытолкнулся вместе с аборигеном из оранжереи.

Он извлек из нагрудного рета очередную штуковину и, не отпуская аборигенового хоботка, левой верхней принялся чертить на впускателе оранжереи Магнолистый Знак. Абориген из деликатности сделал попытку отвернуться. Как бы не так: хоботок крепко зажат в передней хватательной Лукреция, да и ни к чему это было.

Оранжерея исчезла, как не было ее. Техничка приобрела вид ничем не отличающийся от прочих Техничек в других Секторах. И вовремя. Силовой свод уже всюду протекал, тяжелые стЕдЕнистые капли падали и растворялись в воздухе, не успевая долетать до пола. Силовые стены с натужным скрежетом прогибались и оплывали. Смутные силуэты в пределах Внешней Технички неотвратимо сгущались, обретали четкость.

– А вот теперь – своевременно совершаемый смыв.

– Куда? – не понял абориген.

Лукреций – бывалый малый – лишь снисходительно хрустнул промежуточными. Ему нравились напряженные сюжеты и горячие действия. Тонус повышался сам собой. Дышалось и легче, и приятней. Думалось тоже.

Не говоря лишних слов, да и вообще ничего не говоря, он потащил почему-то упирающегося аборигена к искусно замаскированному под переговорный фильтр дуплу. Дупло оно и было дуплом. В него можно было забраться, и не в одиночку. А дальше оно свое дело знало. Что и зафиксировало короткое сиплое жужжание.

– Приехали, – в плане констатации пояснил Лукреций.

– Куда? – вновь не понял абориген.

– К «Сверхновой». В винный погреб. Трактирщик – в курсе.

– Да-а, – протянул, озираясь, абориген. – В натуре приехали.

В сумраке винного погреба совершенно отчетливо обозначились того же кроя фигуры, что и во Внешней Техничке. И было теперь видно, что облачены они в доспехи Абсолютной Обороны, и не фигуры это вовсе, а самые натуральные Охранники Галактической Безопасности во всей своей величественной красе. А именно: впереди выступали Ведущие, за ними Наблюдающие, далее, как положенно, основная группа захвата. А уже за всеми торжественно возвышался сам Церемонимейстер Ареста, отсвечивая по сторонам неисчислимыми гранями Официального Жезла.

– Говно твой трактирщик, – убежденно сплюнул чем-то дурнопахнущим абориген. – И за сколько, интересно, он тебя продал? Хотя, наверное, тоже фанатик покоя.

– А ведь я ему как себе верил. Да я думал... – Предательство Ширия чрезвычайно огорчило Кешу, даже можно сказать – выбило из колеи.

– Долго думал. Не думать, а когти рвать надо было.

– Так я же не думал...

– Вот-вот. А надо было думать. Вот я думал – ты дурак, а ты, похоже, еще хуже. И носопырку, эта, отпусти.

Обижаться смысла, конечно, не было. Да и не на что, если рассудить здраво. Ситуация была как на ладони и развивалась неторопливо, согласно Древним Устоям.

Из передних рядов выдвинулся Первый Ведущий и оглянулся на Церемонимейстера. Тот слегка наклонил жезл. Первый Ведущий торжественно икнул и произнес:

– Ну что, вы закончили свой разговор? Можно начинать?

Оба задерживаемых молчали и тот возгласил:

– Процедуру Задержания объявляю открытой! – и оглянулся к Наблюдающим.

Те согласно закивали головами, а сотрудники группы захвата ободряюще зашелестели верхними сегментами доспехов.

– Желает ли Задерживаемый предаться в руки Стражи добровольно или, напротив, предпочитает оказать сопротивление?

Воцарилась почтительная тишина. Группа захвата деликатно покашливала.

– А как же я? – совершенно некстати гнусаво напомнил о себе абориген, чувствительным диссонансом врезавшись в ритуальную паузу.

Из рядов немедленно выдвинулся Вспомогательный Ведущий и хорошо поставленным голосом продекламировал:

– Участие неофициальных лиц в Процедуре Ареста не допускается.

В тот же миг по группе захвата прокатилось хорошо оформленное движение и аборигена не стало. Вспомогательный Ведущий вернулся в ряды. Почтительная тишина возобновилась.

– Ну, я пошел, – очнулся Лукреций и засобирался было обратно в дупло.

– Решили еще раз испытать торжественное начало Процедуры Ареста? – деликатно осведомился Первый Ведущий. – Ну что ж, это ваше естественное право.

Лукреций, вспомнив о спрятанной под Магнолистым Знаком оранжерее, решил не усугублять.

– Так я должен что-то сказать?

– Именно относительно самой формы или по существу?

– А у вас есть ордер на арест?

– Наконец! Задерживаемый отказывается от оказания сопротивления и тем самым переходит в ранг Арестовываемого, – по группе захвата пронесся вздох искреннего сожаления. – Прошу Наблюдателей сосредоточиться на акте официального вручения Ордера.

Первый Ведущий почтительно отступил в сторону. Повинуясь движению жезла Церемонимейстера из рядов выдвинулись двое Уполномоченных. Оба держали в передних по большому опознавательному жетону. Они встали рядом с Лукрецием и в унисон завели:

– Арестовывается Техник-Смотритель Отдела Второго Закона Термодинамики Карантинно-Санитарного Управления, личное имя Лукреций, личный матричный номер 5643674-РП. Вышеназванный Арестовываемый обвиняется согласно пунктам 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и далее. Арест произвести с санкции Верховного Спонсора Анастаса-1. Форма ареста – парадная.

– Арестовываемый, желаете ли вы заслушать полную парадную форму Ордера?

– Да нет уж как-нибудь.

– Тогда получите ваши опознавательные жетоны из рук Уполномоченных. Вот так. Группа сопровождения может приступить к своим обязанностям.

Первый Ведущий направился к выходу из подвала, куда ранее уже потянулась группа захвата. А Лукреция обступили любезные хлопцы из группы сопровождения, забрали жетоны и заломили ему за спину все конечности.

– Э-э-э... – попытался обратить на себя внимание Лукреций.

– Что такое, дружок? – участливо спросил Начальник группы сопровождения, обернувшись. – Какие-нибудь трудности, неприятные ощущения?

– Нижние-то отпустите или на себе потащите?

– Ох уж эти арестуемые, – заворчал один из группы. – Все им не так. То что-то недовернешь, то чуток перевернешь. Ну и понесли б. Что б нам сделалось?

И они, освободив нижние, повели Лукреция на свежий воздух.

Ветер, налетев, разметушил локоны на голове и спине Лукреция – нет, не стоило раскисать, ни за что не стоило.

Но когда, проходя мимо тускала Управления, он узрел Фомича, спускающегося по ступеням в сопровождении аналогичного эскорта, что-то не в такт заекало в груди. Из морщинистого глаза вытекла невольная мужская слеза.

А Фомич поднял голову и все смотрел на небо. Тут-то Лукреций и заметил, что ночи никакой не обнаруживается. А светло, хотя и не как днем. Тогда Лукреций тоже посмотрел вверх.

Там лучащимся облаком рассыпались необычайно крупные светила. Все сплошь голубые гиганты. В центре же композиции – безудержно сверкая серебристым огнем, безраздельно царил Бриллиант Ночного Неба, размером с хороший грецкий орех.

И тогда Лукреций подумал:

– Ну ладно, пускай этот «орешек» – моя работа. Но кто же учудил все остальное?

Глава 7

Выдержки из стенограммы отчета заседания Галактического Консилиума по делу «О злостных вмешательствах в причинно-следственный континуум Галактики, повлекших за собой необратимые нарушения равновесного состояния в сторону его неравновесности, с незаконным использованием служебного положения, а также средств с неразрешенным принципом действия (дело Лукреция-Фомича)». «Первый оборот заседания. Третья десятая доля оборота. На заседании присутствуют: Консилиум в составе Триумvirата, выступающего под девизом «Справедливость – цветок древа Покоя»; Нападатель от Управления Амируюс Юный; Общественный Нападатель Жиэ-Тониус; Защититель от обвиняемого Фомича Лор-Агы-пятнадцатый; Защититель от обвиняемого Лукреция отсутствует по причине такового волеизъявления обвиняемого; Разрешитель Правый-Маленький. Из состава экспертного корпуса присутствуют: Эксперт от нападения – доктор межклинальных наук Апологей Безнадежных; Эксперт от защиты – профессор руаники Приам Ганибалыч; Эксперт от Триумvirата – доктор руаники, межклинальных, глобализующих и естественных наук, лауреат премий Шноблера, Третьей Планеты, Постоянной Каупфмаанна, Союза Мировых Констант, Первый Советник Верховного Спонсора при Совете Глобального Равновесия, обладатель Третьего Жетона Розовой Ленты – Ооноор Опайяканайял. От инстанции наблюдающих присутствуют родные и близкие обвиняемых, а также замещающие их лица. Присутствуют многочисленные неофициальные зрители, члены делегаций всех заинтересованных общностей, а также почетные гости».

Описания Локализации Консилиума и торжественного открытия заседаний, а также неофициальных спичей и утвержденных гимнов всех заинтересованных общностей см. Полный Стенографический Отчет, Листы 5–835.

Помета на полях стенограммы (почерк не идентифицируется): «Все четыре оборота заседаний царила атмосфера нездоровой эйфории».

Глава 8

«Второй оборот заседания. Прения по вопросу открывает Нападатель Управления.

Н.У.: Достойнейший Триумвират! Согласно Устоявшейся Форме заявляю следующее. Вопрос ясен. Обвиняемые изобличены во многочисленных и дерзких Вмешательствах. Предлагаю распыл без опроса Экспертов и Свидетелей.

Глава Консилиума: Развоевался... Предложение отклоняется! Слово имеет представитель делегации системы Красного Тойюра.

П.: По поручению нашей общности системы Красного Тойюра, считаю своим долгом обратить внимание всех присутствующих на сложившееся тяжелое положение с транспортными тарифами. Беспокоят также налоговые льготы наших соседей по системе, араканцев. А мы-то будем, стало быть гнорийцы. И араканцев на дух не переносим. Все они норовят...

Г. К.: Покороче и по теме.

П.: А покороче никак нельзя.

Г. К.: Тогда слово предоставляется Представителю Группы Свидетелей – Роботу-Уборщику, табельный номер АК-56478399-Н.

Р.-У.: Дело было, стало быть, так. У нас в это время как раз осуществлялся ночной транс. Я говорю как представитель планеты Робо-Сансар.

Эксперт от защищения: Значит, вы находились в двадцати трех пароциклах от Планеты Секториального Управления?

Р.-У. (обращается к Г. К.): А это как-то меняет мой статус свидетеля?

Г. К.: Продолжай малыш, когда надо будет, я тебя предупрежу.

Р.-У.: Так вот, значит. Я с парнями как раз занимался в спортзале. Только, понимаешь, я закончил свои три тысячи отжиманий, иду, понимаешь, вытираю проступившую смазку с покрова. А дружбан мой, ну тот, АС-55362218-Ю, он сейчас на вахтенном уровне, только-только начал было отжимать. А тут мимо энти вот вдвоех.

Г. К.: Поконкретней, дружок, мы ведь не в пивной.

Р.-У. (указывает на обвиняемых): Вот энти вон там. Подгребают они ко мне и, стало быть, с ходу интересуются. А энтот вон в передних какую-то хреновину вертит. Здоровенного размера. Отродясь такой не видел.

Г. К.: Который из них?

Р.-У. (указывает на Правого Помощника Консилиума): Ну энтот же вон!

Г. К.: Ты уверен, парень? На все сто?

Р.-У. (на этот раз указывая на обвиняемого Лукреция): А как же! На все сто! Энтот! И спрашивает, где мол у вас тут Красный Карлик примостырился? Я ему – запрещено, мол, говорить такие вещи. Тогда он издалека стал заходить. Где, говорит, у вас тут, Пункт Управления Звездным Потокком.

Г. К.: А ты им?

Р.-У.: Категорически, говорю. А этот придурок, ну, дружбан мой, АС-55362218-Ю, возьми им все и вывали.

Г. К.: Ну а дальше-то?

Р.-У.: А дальше – другой свидетель. А я все. Пора мне. (уходит) ... " ...

Эксперт нападения: Подведем итоги. Из свидетельских показаний и фиксаций следящих приборов однозначно следует, что оба обвиняемых были локализованы в рассматриваемую треть оборота одновременно по крайней мере в шести сотнях миров. И надо заметить – все данные локализации приходятся на Пункты Управления Звездными Потоками. С позиции стандартной причинностной схемы это невозможно. Однако, как это я развиваю в своей монографии «О материализации причинных связей, допускаемых неравенством Фусики-

Струубе в неравновесных системах» эффекты подобного рода вполне могут иметь место в случае предельного разрыва в первом дисперсном уравнении моей монографии. Дело в том, что если граничные условия выбраны не вполне аккуратным образом...

Эксперт защиты: Коллега! Консилиуму ваша теория хорошо известна и, я полагаю, не стоит останавливаться на деталях.

Э. Н.: И все же продолжим. Тогда возможны следующие эффекты. А именно, расщепление вторичной волновой функции в мультиплетное состояние вблизи больших масс материи. Выводы, полагаю, вы без труда сделаете сами. Соответствующие расчеты передаю Консилиуму. Далее...

Эксперт Консилиума: А позвольте полюбопытствовать, да-да, я имел честь ознакомиться с вашими опусами, каким это таким образом вы задаете те самые граничные условия? Что? Ага, молчание. Так я отвечу. Постойте, теперь уж не перебивайте. С точки зрения тривиальной руаники я понимаю ситуацию следующим образом. Вы полагаете, что один и тот же индивид способен одновременно находиться и действовать во многих контекстах. Конечно, я не оспариваю математическую часть. Вот условия ваши граничные – бредятинкой отдадут. Ощущаете?

Э. Н. (угрюмо): Я имел в виду непрерывность континуума.

Э. К.: А где вы видите непрерывность? Вот вы утверждаете, что парадоксы с вторичной волновой функцией в присутствии больших масс материи ведут к рассматриваемым эффектам размножения индивидов и прочих матричных объектов. Но как могли эти двое произвести данные операции над вторичной волновой функцией не размножившись заранее? И напротив, размножившись заранее, оба индивида уже не вписываются в рамки вашей концепции. У вас есть возражения?

(Эксперт нападения хранит молчание.)

Э. К. (Повернувшись к Консилиуму): Я думаю, вопрос ясен.

Г. К.: Ясен. Слово имеет эксперт-защититель.

Э. З.: Значится... (надолго задумывается)

Г. К.: Продолжайте.

Э. З.: Попрошу не вмешиваться... Подойдем с другой стороны, совсем не с той, с какой пытается подвести нас многоуважаемый коллега. Я тут кое-что подсчитал и вот что у нас выходит... Сумс с ним, с матричным преобразованием пространства (...)

(...) Таким образочком, из уравнения (128) энергетического баланса следует с необходимостью, стало быть, то, что и должно, разумеется, следовать; разумеется – для тех у кого есть чем разуметь, в число каковых входят, я надеюсь, многоуважаемые члены Триумvirата, и не входит, я уверен, досточтимый Эксперт Апологеюшка наш, понимаете, Безнадежных.

Г. К.: Покороче.

Э. З.: Попрошу не вмешиваться... Так вот. О чем это я? Да! Кстати, может мне все это перевести на обычный язык? Чтобы кое-кому стало ясно о чем речь, чем, так сказать, клюпы кормятся?

Г. К.: Я думаю в этом нет необходимости. Продолжайте.

Э. З.: Хорошо, тогда я переведу. Дело в том, как мы только что выяснили, должно было с вероятностью близкой к единице произойти критическое падение энтропии, иными словами, резкое, катастрофическое нарастание порядка. Было бы даже непонятно, если б оно не свершилось, учитывая гигантское выделение свободной энергии при Окраснении, а так же уравнение (128). И легко сообразить, Регистрирующие Приборы стали жертвами вышеобзначенного спонтанного падения энтропии, включая и роботов-уборщиков и прочие механизмы, и вообще, чего там ходить вокруг да около, всех, так называемых свидетелей. А что такое есть энтропия? Никто ее, поверьте моей эрудиции, в глаза не видел. И тем более никто не измерял. Нет такого градусника! Это чистая абстракция и что она собою скрывает – наука

еще не решила. Никто не знает, как она действует на матричную структуру индивида. И что мы теперь имеем, мои дорогие? Перед нами двое невинно оклеветанных странными существами, каковых существ самих следует судить за то, что они позволили упасть энтропии в самих себе, то есть стали дураками, хотя ничего удивительного в этом нет.

Э. Н.: Сам ты дурак, Приам Ганибалыч, хоть и мой ученик.

Э. З.: Это почему же это?

Э. Н.: Как это почему же? Да потому же, что все твои теоретические излияния никоим образом не объясняют нам самого важного, а то – как эти мерзавцы смогли, размножившись до невероятных количеств, совершить свои злонамеренные Воздействия, в то самое астрономическое время, когда они находились в тускале Управления?

Э. З.: Е-мое! Какой идиот! Ты, что, по-дистановому не сечешь? Я здесь битых полоборота втолковываю насчет неумолимого падения энтропии, а он, понимаешь... Вот, идиот! А на ваш вопрос относительно того, кто мог совершить Воздействие, я отвечу, раз уж вы его задали. Это задача Следствия. Я же убедительно объяснил Консилиуму, что оба обвиняемых здесь ни при чем. Вполне вероятно, что целая армия негодяхов, антиравновесников, вполне возможно, что и астронавтов или вообще лесопроходимцев всяких учинила сие безобразие под прикрытием структурного падения энтропии, повлекшего искажение свидетельских показаний.

Э. Н.: Выкрутился, люпус? Так вот (эксперт нападения обращается к залу), я отрешаю этого гнуснейшего от звания моего ученика. Отныне ты никакой мне не ученик, а я никогда не был твоим учителем!

Э. З.: Да не больно-то и надо было. Ты на себя посмотри, трухля закопанистая.

Э. Н.: А сам-то, сам-то! Да я таких как ты еще при императоре...

Г. К.: Спокойнее, спокойнее, уважаемые. Мы, собственно, уже получили представление относительно ваших умонастроений по данному вопросу. Слово предоставляется Эксперту от Консилиума.

Эксперт от Консилиума: Ну что тут можно еще добавить к вышеизложенному? Лично у меня уже вполне сложилось мнение по высказываниям почтенного Эксперта от Защищения. В двух словах мои ощущения можно выразить так – полное дерьмо, извините за слишком четкую формулировку.

Г. К.: А нельзя ли поконкретнее?

Э. К.: Поконкретнее будет выглядеть так. Дело все в том, что посылать к Сумсу матричное преобразование, вообще говоря, не следовало бы. Уважаемый коллега от Защищения становится на энергетические позиции, совершенно упуская из вида, что оба наших подопечных являются матричными объектами, а следовательно, описываются хорошо известной системой тензоров Сунь-Крачковского-Джонсона. А тогда весь ваш энергетический подход приобретает зависимость от матричных систем. Что же мы видим в вашем, так называемом, энергетическом разложении? Ни одного матричного символа. Позвольте, что же тогда вы описываете? Если вы хотите априори сосредоточиться на феноменах, связанных с нематричными системами, то есть, механизмами всякими, так и скажите. Но тогда что вы делаете в Консилиуме, какое вам дело до обоих Обвиняемых? Они, как вы, может быть, заметили, – не механизмы. Вот когда поместите в свое разложение матричные объекты, определяемые системой вышеназванных тензоров, выпишете все нелинейные эволюционные операторы Джонсона, вот тогда и приходите к нам на огонек, порасскажете нам о том, о сем. А пока что, боюсь, вам сказать нечего.

(Эксперт защиты молчит).

Г. К.: Н-да. Похоже Экспертиза зашла... Эксперт от Консилиума, изложите Ваше Заключение.

Э. К.: Да я, собственно, не готовился к Официальному Выступлению.

Г. К.: Ах, мы не готовились... Мы из чисто спортивного интереса уконтрапупили обе Экспертизы. А сами, понимаете ли, и не готовились, собственно...

Э. К.: Тогда, Ваше Почтеннейшее Внимание, я позволю себе предложить следующую схему заседания. Сейчас экспертиза перейдет к рассмотрению вопроса «могли ли Обвиняемые совершить Воздействие, окажись они в Пунктах Управления», как это нам доложили свидетели. Тем самым мы на время отложим выяснение вопроса «могли ли Обвиняемые оказаться на Пунктах Управления» до соответствующего момента. А там уж все подытожим. И я в конце выступлю уже с обобщающим заключением. Надеюсь, что к тому времени родится свеженькая теория, которую я и не премину изложить. Ну так что?

Г. К. (желчно): Только из уважения к вашим регалиям».

Лирическое отступление

Ооноор Опайюканайял начинал неважно, а точнее – совсем никак не начинал. В Начальной Стадии Обучения он был неуспевающим, тяжело соображающим недоростком. Учителя и Наставники просто не знали, что бы с ним такое предпринять, чтобы хоть как-то... Но Ооноор был тверд в своих заблуждениях. Во время занятий он так крепко кемарил, что его никто и не пытался будить. Как и не пытались его уложить в ночное время. Да он и не позволил бы. Парень был крепкий, развит не по годам.

Так и погиб бы невостребованный талант гения, если бы не одно странное событие, перевернувшее весь уклад жизни маленького Ооноора. А дело было так.

В одно прекрасное нежное утро, когда светило только-только показало свою цветастую мордашу из-за волнистого окоема горизонта, когда табунцы веселых и жизнерадостных шелесперов торопились на облюбованные еще их предками Заячьи Холмы в предвкушении тепла и сытости, когда Темные Силы Природы временно сдали свои вековые позиции и отступили до следующего раза, а шелковистые папоротники призывно шелестели в прохладе нависающих горных хребтов. В это самое время маленький Ооноор вышел, как обычно, на свежий воздух, прогуляться в пределах своего допустимого.

То ли раз, то ли два, а повстречалась ему в этой последовательности ни с того, ни с сего знаменитая Птица Урч. В своем непрекращающемся полете из одного Рукава Галактики в другой она случайно пролетела мимо этого, мало кому известного, мира. Ооноор узнал ее не сразу.

– Ты что здесь? – с некоторым, впрочем, свойственным ему сарказмом, спросил Ооноор и оглянулся в поисках подходящего булыжника.

– Ооноор? – спросила Птица.

– Урч? – спросил Ооноор и сам удивился своей сообразительности.

– А ты парень смысленный, – одобрительно хмыкнула Птица.

– Не без того, – горделиво приосанился малыш.

– Быть тебе Великим! Не будь я Птицей Урч, – прощально взмахнула летательными перепонками Птица.

– Я? Врешь! А когда?! Эй, ты куда?! – орал Ооноор вослед свечой уходящей ввысь Птице.

Ответ не заставил себя долго ждать. Сначала в золотой, переливчатой беспредельности неба возникла точка. Она быстро росла и это заставило Ооноора напряженно задуматься. Но додумать мысль он не успел. Прилетевшая точка накрыла его полностью.

– Шлеп!!! – последнее, что расслышал малыш. Густое облако испарений укутало окрестности и в этом вонючем тумане утонула красота раннего утра. Вскоре встревоженные шелесперы осмелились подползти к этой куче и принялись за работу. Когда они откопали Ооноора, это был уже не тот Ооноор, которого накрыло. Он встал, отряхнулся и посмотрел на кучу.

– Говно Птицы Урч, – заявил малыш и, присмотревшись, добавил. – Еще свежее. Согласно теории вероятности – весьма редкое явление. То есть, практически невероятное.

И маленький Ооноор Опайюканайял задумчиво побрел прочь.

Первое, что бросилось в гляделки Наставникам – малыш Ооноор позволил в этот оборот уложить себя, а в следующий оборот – разбудить во время занятия. И это были только цветочки...

Ну а потом уж пошли зафиксированные во всех биографических хрониках вехи, как то: на очередном занятии Ооноор, проснувшись уже самостоятельно и поднявшись к пульту, написал свою, ставшую впоследствии знаменитой, теорему неубывания. Так как это было

занятие по почвоведению, то не активизированные загодя в направлении математизации однокашники ничего не поняли, а преподаватель почвоведения еще целый пук пытался осознать, свидетелем чего ему довелось стать.

В другой же раз разгневанный малыш Ооноор, так и не уснув на очередном занятии, прогнал от пульта преподавателя Куркурла, наподдав ему при этом добрую дюжину подзадников. И на экране вывел свое знаменитое этическое обоснование принципа неизбежности. Испуганный наставник был преподавателем физкультурного дела.

Так и пошло – раз за разом. Избавились от него только путем досрочного перевода в Высшую Школу Руаники.

В Высшей Школе Руаники он подавал изрядные надежды. Преподаватели привечали и любили любознательного Ооноора Опайяканайяла даже не за его сметку, умные пытливые вопросы, находчивую изворотливость ума, а именно за любознательность.

Кульминация наступила внезапно. На Официальной Лекции Главного Профессора, в торжественный момент перед изложением последним Основного Вывода Руаники звенящую почтительную тишину разорвал дерзкий юношеский голос Ооноора:

– Да ерунда все это!

И покуда ошалевший от такого кощунственного нарушения ритуальной паузы профессор беспомощно ворочал гляделками и сегментарными линзами, Ооноор убедительно подтвердил свое утверждение стройными рядами математических символов.

Дальнейшая жизнь Ооноора могла сложиться вполне безоблачно, если б не одно странное и, прямо скажем, загадочное свойство его натуры, обнаружившее себя после того, как создатель многочисленных Теорий, автор основополагающих Открытий и многообещающих Рацпредложений обратил свое внимание на труды прочих соратников по науке – обнаружив в них разительное несоответствие его собственными убеждениям, он как-то легко и неопровержимо их всех опроверг.

Научная общественность, как ни странно, вздохнула с облегчением. Стройные и неопровержимые опровержения доктора Ооноора разрешили враз все конфликты между теориями и сняли все вопросы относительно выводов этих теорий. Так что наука обрела второе дыхание. А молодежь ринулась грызть гранит науки, ввиду внезапно распахнувшихся перспектив. Но, как выяснилось, распахнувшихся ненадолго.

Скачка науки так и не последовало. Всякую новую теорию, с присущей ему научной любознательностью, наш друг Ооноор подвергал той же участи, что и предыдущие.

Так могло продолжаться довольно долго, если бы на свою беду Ооноор, к тому времени прочно уверовавший в осуществление Пророчества Птицы Урч, не задался дерзкой целью создать такую теорию, которую он же и не смог бы опровергнуть.

Для начала он с легкостью опроверг все свои предыдущие теории и опровержения, результаты чего опубликовал в открытой научной прессе. Наука, пребывавшая к этому времени в глубочайшей прострации, уже никак не прореагировала. Воодушевленный Ооноор принялся созидать теорию за теорией, по ходу дела разваливая их как картонные домики.

Но нет худа без добра. Увлеченный своей сверхзадачей Ооноор на продолжительное время выпал из поля зрения науки. Та, хотя и не сразу, воспрянула духом и вышла из затянувшейся прострации. Началось широкое строительство, накатила эра возрождения. А оказавшийся в логическом тупике Ооноор получил прозвище Великого Ниспровергателя.

Пророчество сбылось. Но отныне он существовал больше в анналах, в изустном предании, чем в научном процессе.

Глава Консилиума жил по соседству с Ооноором. Они даже делили охотничьи угоды, и Глава Консилиума частенько встречал во время своих охот задумчиво прогуливающуюся фигуру доктора. Один раз он все-таки не выдержал и обратился к последнему с при-

ветствием. Тот ответил несколько невнятно. Завязавшееся знакомство вылилось в крепкую дружбу.

Вообще Глава Консилиума был парень приятный, ему стало жаль Ооноора. Тот все время о чем-то думал и никак не мог сосредоточиться на радостях жизни. Чтобы отвлечь задумчивого доктора от его тяжелых мыслительных процессов, Глава Консилиума предложил Ооноору поучаствовать в работе Триумvirата. Тот нехотя согласился.

И вот теперь этот безупречный механизм сокрушения умопостроений обрушился на ничего не подозревающий Консилиум.

Глава 9

«Третий оборот заседания. Глава Консилиума предлагает открыть прения. На подиум поднимается неотожествленный субъект.

Н. С.: Итак, я продолжу. Как только что мы выяснили, древняя поэзия отличается от современной в известной мере незначительно. Но есть в ней нечто... Вот, к примеру, такая поэтическая фраза: «изнеженность листа». Что она означает? С одной стороны, каждому из нас понятен смысл слова «изнеженность». С другой, никакой изнеженности у листа, конечно же, нет. Но что же нас трогает в этой фразе? Очевидно, поэт ощутил то, чему в нашем языке нет эквивалента. Ощутил и обозначил. Мы же, читая подобные вещи, как бы прикасаемся к невыразимому. Но выраженному обычными, я бы даже сказал, грубыми языковыми фонемами. Взять хотя бы это:

*Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной.*

Г. К.: Послушайте, почтеннейший...

Н. С.: Да-да, вы совершенно правы. Я продолжу. Перейдем к роли ритмообразующих пульсаций в древней поэзии. Их роль неопределима и до сих пор не прояснена нашими поэтоведами в должной мере. А между тем, именно эти пульсации образов создают в древних стихах их уникальную материю. Это основа, на которую ложится все остальное. Пульс создает эффект многомерности, что напрочь упускается из виду современными авторами. И если автор вводит в эту ткань свое Альтер Эго, то оно распространяется по всем ритмическим гармоникам. Возьмем, к примеру:

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси...*

Как видим, каждая новая строка выводит и автора и нас с вами вслед за ритмическими волнами на новые уровни бытия. Сначала как бы зал театра древности, затем что-то домашнее, как бы нора для вечерних раздумий, но не замкнутое, а выходящее затем вверх, в необозримую даль, которая уже космос, и звезды смотрят на данного индивида. От публичности к одиночеству. От одиночества к космичности... И все это сразу, одновременно, на одной, так сказать геликоиде...

Г. К.: Голубчик, мы весьма признательны за столь блестящее и захватывающее изложение, но у нас Консилиум, а не дискуссионный клуб.

Н. С.: То есть как? Это разве не Собрание Любителей Изящной Словесности, посвященное Поэтике Древних?

Г. К.: Боюсь, что не совсем.

Н. С.: Значит, я, наверное, ошибся впускателем, тускалом, планетой?..

Г. К.: По крайней мере, галактикой вы ошибиться никак не могли. (По трибунам прокатывается почтительный шелест)...»

«... Э. Н.: Я тут кое-что подсчитал, и у меня выходит. Все сходится решительным образом. Приняв в качестве посылки факт размножения и появления, как то сформулировал Почтеннейший Ооноор, проблему расщепления вторичной волновой функции снимаем третьим дисперсным уравнением. Что до технических возможностей осуществления рассматриваемых Воздействий, то они в наше время безграничны, и не заслуживают подробного рассмотрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.